

Рудольф Штайнер

НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА

в мировых событиях и человеческих поступках

**5 Лекций, прочитанных в Берлине от 25, 27, 30
января и 1, 8 февраля 1916 г.**

Библиотечный № 166

**ИЗДАТЕЛЬ
Ш.С. ЕРЕМЯН**

**ЕРЕВАН
2001**

[http://www.anthroposophy.ru/index.php?](http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=30)

[go=Files&in=view&id=30](http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=30)

Первая Лекция

Берлин, 25 января 1916 г.

Каждую лекцию д-р Рудольф Штайнер начинал со следующего обращения:

Мои милые друзья!

Мы снова помянем тех, кто находится на фронте, где ныне решаются грозные события времени:

О, духи душ их, действенная стража.

Отнесите на ваших крыльях

Молящую любовь от наших душ

Доверенным вашей охране людям Земли!

И пусть, соединяясь с вашей силой,

Молитва наша сладостью сияет

Для тех, кого она с любовью ищет!

И пусть Дух, к которому в течение ряда лет
Мы стремимся приблизиться
Через добытую нами духовную науку,
Который для блага Земли, для свободы
И успехов человеческого развития
Прошел через Мистерию Голгофы
Да будет с вами и с вашим тяжким долгом.

И к душам хранителям тех, кто вследствие этих преисполненных страданий
событий уже прошли сквозь врата смерти:

О, духи душ их, действенная стража.
Отнесите на ваших крыльях
Молящую любовь от наших душ
Доверенным вашей охране людям Сфер!
И пусть, соединяясь с вашей силой,
Молитва наша сладостью сияет
Для тех, кого она с любовью ищет!

И пусть Дух, к которому в течение ряда лет
Мы стремимся приблизиться
Через добытую нами духовную науку,
Который для блага Земли, для свободы
И успехов человеческого развития
Прошел через Мистерию Голгофы
Да будет с вами и с вашим тяжким долгом.

(И дух, которого мы имеем, стремясь к духовному познанию, дух, прошедший через мистерию Голгофы ко благу земли, к преуспеванию Земли, ко спасению людям, да будет Он с вами и с вашим тяжким долгом.)

Мои милые друзья!

В эти дни, когда мы снова можем собираться, я буду говорить о важных, без сомнения, несколько трудных вопросах человеческой мировой жизни, о вопросах, рассмотрение которых, разумеется, не может завершиться этими лекциями, а наоборот, лишь начнется. В течение этого рассмотрения мы увидим, как важны, как бесконечно важны эти вопросы также и в отношении нашей душевной связи с великими событиями, столь волнующими ныне человечество. Если бы я хотел для начала сжать в двух отвлеченных словах то, о чем мне предстоит теперь говорить с вами, я бы сказал: “Необходимость мирового и человеческого свершения и свобода человека внутри мирового и человеческого свершения”.

В сущности, едва ли найдется человек, не занимавшийся более или менее интенсивно именно этими вопросами, и едва ли что другое на физическом

плане может более привести к занятию этими вопросами, чем те события, которые ныне через народы Европы проходят сквозь европейские души. Рассматривая мировое свершение и наши собственные поступки, чувства, волю и мышление внутри этого мирового свершения, и рассматривая это сначала в связи с тем, что мы называем божественным, исполненным мудрости миропорядком, мы скажем себе: этот исполненный мудрости миропорядок царит во всем. И смотря на что-нибудь, что произошло, во что мы, может быть, сами оказались включены, мы можем после задать вопрос: было ли то, что произошло и во что мы сами были включены, так обосновано всем мудрым миропорядком, что мы можем сказать: это было необходимо, это не могло произойти иначе, и мы сами среди этих событий не могли поступать иначе? Или мы могли бы сказать, глядя более на будущее: в то или иное будущее время произойдет то или иное, и мы предполагаем, что мы, может быть, будем в него включены? Не следует ли нам считать по отношению установленного для нас мудрого миропорядка, что то, что совершается в будущем — необходимо или, как часто говорят, предусмотрено? Но может ли при этом существовать наша свобода? Можем ли мы решиться так или иначе вмешиваться путем идей, путем приобретенного нами умения, — и может ли, благодаря роду нашего вмешательства, измениться то, что, согласно нашему желанию, должно наступить не так, как оно наступило бы без нашего вмешательства?

Когда человек взирает более на прошедшее, на него, я сказал бы производит большее впечатление мысль, что все было необходимо, не могло случиться иначе. — Когда человек более взирает на будущее, на него сильнее действует мысль: должно быть возможно, чтобы сам человек, там, где ему дано мог бы вмешиваться со своей волей. — Короче, человек будет всегда в некоем раздвоении между допущением безусловной необходимости, проходящей через все, и, с другой стороны, необходимой предпосылкой свободы, без которой он, в сущности, не может обойтись в своем мировоззрении; ибо иначе он должен допустить, что он включен как род колеса в великий колесный механизм бытия, и все отправления его существования, как колеса, обуславливаются силами, управляющими этим колесным механизмом.

Вы знаете также, мои милые друзья, что это раздвоение проходит в некотором роде через все духовное стремление человечества. Всегда бывали философы — их зовут детерминистами, — считавшие, что все происходящее, с чем мы связаны нашими действиями, нашей волей, строго предопределено, — бывали и не детерминисты, принимавшие противоположное: что человек своей волей, своими мыслями может вмешиваться в ход развития. Вы знаете также, что последней крайностью детерминизма является фатализм, так строго придерживающийся царствующей в мире духовной необходимости, что он предполагает, что буквально ничто не может произойти иначе, чем

предопределено, и что человек может лишь пассивно подчиняться фатуму, излитому в мир именно благодаря тому, что все предопределено.

Возможно, мои милые друзья, что некоторые из вас знают также, что Кант составил таблицу антиномий, на которой постоянно стояло на одной стороне определенное утверждение, а на другой — его противоположность, например, на одной стороне утверждение: “Мир в смысле пространства бесконечен”, на другой стороне — утверждение: “Мир в смысле пространства конечен”, и что он затем показал, что как одно, так и другое одинаково хорошо доказываются с помощью имеющихся у человека понятий. В том же смысле можно строго доказать: мир бесконечен по времени и пространству — или: мир в отношении пространства конечен, ограничен, наглухо заколочен, в отношении времени он имел начало.

К вопросам, включенным Кантом в таблицу антиномий, принадлежит и только что затронутый. Он, следовательно, знал и обратил внимание людей на то, что можно строго, действительно строго, со всей строгой логичностью доказывать, что все мировое, включая сюда и человеческое, свершение подлежит застывшей необходимости и опять-таки с той же строгостью доказывать, что человек — существо свободное и что он своей волей известным образом определяет вещи, в которые он по своей воле вмешивается. Кант считал, что эти вопросы неразрешимы для человеческой способности познания, что они выходят за ее пределы, так как с помощью человеческих средств можно одинаково строго доказывать утверждение и его противоположность.

Теперь, видите ли, вы имеете в том, что мы разбирали все эти годы, в некотором роде основание, чтобы разгадать эту замечательную загадку. Хочется поистине сказать: загадочен уже самый вопрос, включен ли человек в необходимость или он свободен. Вопрос загадочен. Но, конечно, еще загадочнее то, что и то, и другое можно строго доказать. Вы вообще не выйдете из сомнений в этой области, если будете искать основания вне того, что мы называем духовной наукой. Лишь на основе того, что дает духовная наука, можно узнать нечто об этой тайне, об этой загадке, лежащей в существе этих вопросов.

На этот раз мы пойдем очень медленно в наших рассматриваниях. Забегая вперед, я хотел бы сказать только одно: как вообще может случиться, что человек может доказывать две противоположные вещи? Сталкиваясь с подобным явлением, обращаешь внимание на известную ограниченность обычной человеческой способности понятий, обычной человеческой логики. Но еще при многих других вещах мы натываемся на эту ограниченность человеческой логики. Она всюду выступает там, где человек хочет подойти со своими понятиями к бесконечному.

Я могу показать это вам на очень простом примере. Лишь только человек со своими понятиями приближается к бесконечному, наступает то, что можно

назвать: спутанность понятий. Я поясню это на очень простом примере. Вы должны только немного терпеливо следовать за мной в этом, может быть, непривычном для вас, ходе мыслей. Представьте себе, что я написал на доске подряд числа:

1
2
3
4
5

и т.д.

Я мог бы, не правда ли, до бесконечности писать 1,2,3,4,5 и т.д. Но я могу написать и второй ряд чисел: справа от написанных здесь чисел — их удвоение. Итак:

1	2
2	4
3	6
4	8
5	10
6	12

и т.д.

Я опять могу продолжать до бесконечности. Но вы согласитесь со мной: всякое число правого ряда встречается и в левом ряду. Я могу подчеркнуть 2, 4, 6, 8 и т.д. Теперь посмотрите на левый ряд. Возможно бесконечно много чисел. В этих бесконечно многих числах заключаются все числа правого ряда: 2, 4, 6 и т.д. Я могу подчеркивать все дальше. Подчеркнутые цифры в левом ряду составляют как раз половину всех: подчеркнуто через одно. — Но когда я пишу теперь справа, я могу до бесконечности писать 2, 4, 6, 8 и т.д. Я имею бесконечность слева и бесконечность справа, и нельзя сказать, что справа у меня меньше цифр, чем слева. Не подлежит сомнению, что справа у меня должно быть столько же цифр, сколько слева. И тем не менее: так как все числа направо могут произойти через вычеркивание, то правая бесконечность является лишь половиной левой бесконечности. Совершенно ясно: справа столько же чисел, а именно — бесконечно много, как и слева, ибо ко всякому числу слева относится число справа — и, тем не менее, количество чисел с правой стороны может быть только половиной того, что стоит слева.

Не подлежит сомнению, что как только мы переходим к бесконечности, мышление начинает сбиваться; встающий тут вопрос и не поддается теперь разрешению: потому что так же верно, что справа наполовину меньше цифр, как и то, что справа столько же цифр. Здесь это представляется самым простым образом.

Этим человек уже некоторым образом приводится к тому, чтобы сказать себе о своих понятиях: в сущности, я не смею применять их к бесконечному, к

тому, что выходит из чувственного бытия, — а бесконечное выходит из чувственного бытия. Они неприменимы не только к безгранично бесконечному, но и к ограниченно бесконечному, ибо та же путаница оказывается и в ограниченно бесконечном.

Представьте себе, что вы рисуете треугольник, четырех-, пяти-, шестиугольник и т.д. Дойдя до стоугольника, вы уже очень близки к кругу; маленькие черточки не будут уже хорошо отличаться друг от друга, особенно, если вы далеко отойдете. Вы можете поэтому сказать: круг есть многоугольник с бесконечно многими сторонами. Если у вас малый круг, в нем бесконечно много сторон; в круге вдвое большем тоже бесконечно много сторон — и все-таки ровно вдвое больше. Поэтому не стоит доходить до безгранично бесконечного, но, беря малый круг с бесконечно многими сторонами и вдвое больший круг с бесконечно многими сторонами, вы можете уже в доступном обозрении бесконечном натолкнуться на то, что совершенно спутает ваши понятия.

Только что сказанное чрезвычайно важно, мои милые друзья. Ибо люди совсем не обращают внимания на то, что они имеют лишь определенное поле, а именно — поле физического плана для понятий, которые оказываются годными, и что это должно так быть по известной причине.

Видите ли, в одном месте, где против нас несколько резко выступают — это встречается ведь теперь во многих местах и у многих людей, — некий пастор держал речь против нашей духовной науки и закончил речь, — считая, что это особенно убедительно, — изречением Маттиаса Клодиуса. Это изречение Маттиаса Клодиуса приблизительно того содержания, что все люди, в сущности, жалкие грешники и не могут многого узнать, что они должны удовольствоваться тем, что они знают, и не исследовать того, чего они не могут знать. Человек выбрал эту строфу из одного стихотворения Маттиаса Клодиуса, потому что полагал, что уличит нас, в том, что мы стремимся за пределы чувственного мира, — а уже Маттиас Клодиус сказал: человек — жалкий грешник, который не может подняться над чувственным миром.

“Случайно”, как принято говорить, один наш друг посмотрел это стихотворение Маттиаса Клодиуса и прочел также и предыдущую строфу. А в ней сказано, что человек может выйти в поле и — если как раз не полнолуние — увидеть лишь часть луны, хотя другая часть ведь тоже существует; и в мире много такого, о чем можно узнать что оно существует, лишь выбрав подходящий момент для его рассмотрения. И так как Маттиас Клодиус хотел обратить внимание на то, что не надо ограничиваться тем, что является непосредственно чувственным обликом, и что тот жалкий грешник, кто дает себя обмануть непосредственным чувственным обликом, — то цитата из Маттиаса Клодиуса опрокинулась на самого цитировавшего. Чувственный мир — если мы не совсем такие, как тот пастор — привлекает порой, наше внимание на то, что куда бы мы ни обратили наш взгляд, мы должны также

направлять его на другое, на другую сторону, и дополнять одну сторону другой. Но в отношении того, что выходит за пределы чувственного мира, не существует непосредственной поправки в чувственном мире; там нельзя сейчас же указать на вторую строфу. А поэтому и получается, что человек философствует во всю и, разумеется, должен быть убежден, что это истина, ибо это поддается строго логическому доказательству. Но и противоположное доказывалось столь же логически. Мы можем сегодня поднять вопрос — и все рассмотрения, которые мы будем вести, послужат к уточнению ответа на этот вопрос: откуда происходит, что наше мышление так спутывается, когда мы выходим из чувственного мира? Откуда происходит вообще, что мы можем доказывать две противоположные вещи? Мы найдем, что это связано с тем, что человеческая жизнь поставлена как бы посередине, как бы в равновесии между двумя противоположными силами, ариманическими и люциферическими.

Разумеется, можно размышлять о свободе и необходимости и считать, что сила принудительного доказательства за то, что существует лишь одна необходимость в мире. Но принудительность этого доказательства обусловлена Ариманом. И с одной стороны, когда доказываешь нечто, всегда соблазняет Ариман. А когда доказываешь другое — соблазняет Люцифер. Мы всегда попадаем этим двум силам, и если не считаться с тем, что мы поставлены между ними, никогда не понять, откуда происходят раздвоения, подобные указанному, в человеческой природе.

Правда, в XIX веке пропало даже ощущение того, что во всем мировом свершении существует наряду с равновесием уклон маятника вправо и влево, ариманический и люциферический уклон; это ощущение совершенно умерло. В настоящее время ведь в сущности не считаешься вполне духовно здоровым человеком, если говоришь об Аримане и Люцифере, не так ли? Так ухудшилось положение лишь к середине XIX века. Ибо очень остроумный философ, Грандорф, написал еще в середине XIX века, здесь в Берлине, очень милую вещь, в которой он пробует опровергать рассуждение одного духовного лица. Это последнее распространяло здесь, — надеюсь, что в наших кругах об этом можно говорить, — что не существует черта, что говорить о черте — ужасный предрассудок. Мы говорим об Аримане. — И тогда философ Грандорф стал возражать духовному лицу в очень интересной книге: “Черт — не догматическая химера”. Еще в середине 50-х годов он, так сказать, пытался строго философски доказать существование Аримана.

В течение открытых лекций, которые я буду читать здесь в ближайшее время, я надеюсь поговорить и об этой отзвучавшей, ныне совсем отзвучавшей ноте духовной жизни, — о теософическом, которое совершенно исчезает в середине XIX века. До этого времени об этих вещах еще говорили, хотя и под другими наименованиями. Исчезло самое чувство этого; в тонком виде оно существовало, в сущности говоря, вплоть до XIV — XV вв., пока оно

естественным образом не должно было отступить на время на задний план. Мы ведь знаем, что духовная наука — как я часто подчеркивал — отнюдь не отрицает большую ценность и большое значение расцвета естественных наук. Но этот расцвет был обусловлен тем, что исчезло чувство, ощущение этой лишь в духовном сущей противоположности: Аримана и Люцифера. Теперь они снова должны вынырнуть за порог человеческого сознания. Тонкое чувство было до XV века.

Я хотел бы показать вам на примере, как обстояло дело в отношении Аримана и Люцифера, когда сохранялось скорее лишь чувство, что это две правящие силы. Этот пример следующий:

В Праге, на старогородской ратуше, существуют диковинные часы, сделанные в XV веке. Эти часы, действительно, род чуда. Снаружи они имеют вид солнечных часов; но их строение так сложно, что часы указываются двояким образом — и по старочешскому и по более новому счислению времени. По старочешски счет часов шел от 1, вернее, 0 до 24, по более позднему счислению лишь до 12. При заходе солнца теневая стрелка — там была тень — стояла всегда на 1. И эти часы были так устроены, что действительно всегда при заходе солнца стрелка стояла на 1. Так что, несмотря на все изменения захода солнца стрелка всегда стояла на 1.

Но помимо того, что эти часы еще всегда указывали солнечные и лунные затмения; они указывали также прохождение различных планет через знаки Зодиака — тут же был планетный круг; они указывали даже (эти часы были действительно чудесной конструкции) подвижные праздники. Таким образом, они указывали, когда в определенном году наступала Пасха. Они были одновременно календарем. Видно было последование времени от января до декабря, включая передвижение Пасхи. Особая стрелка указывала день наступления Пасхи и Троицы, хотя это были подвижные праздники.

Таким образом, часы были совершенно замечательной конструкции для XV в. История их сооружения исследована. Но помимо этой исследованной истории, которая существует документально, которую вы можете прочесть во многих описаниях, помимо нее есть легенда, которая тоже пытается дать свое объяснение тому чудесному, что связано с этими часами, во-первых, их удивительному механизму, во-вторых, тому, что они постоянно заводились с тех пор, как они были сделаны, пока был жив их гениальный создатель. После его смерти никто не мог заводить их; повсюду искали людей, которые могли бы пустить часы в ход, но добились лишь того, что они были испорчены. От времени до времени выискивался кто-нибудь, кто брался их поправить. Он и поправлял их, но часы все снова и снова приходили в расстройство.

Все эти факты отлились в род народного сказания, которое гласит: простой человек получил в виде небесного дара способность сделать однажды эти часы. Он один мог знать, как с ними обращаться. Сказание придавало особое значение тому, что это был простой человек, получивший через особую

милость ту гениальность, которая была дарована ему из духовного мира. Но властитель хотел сохранить часы для одной Праги, хотел, чтобы никакой другой город не имел подобных. И поэтому он повелел ослепить гениального часовщика, сделавшего их, повелел выколоть ему глаза. Слепец отошел теперь в сторону. Лишь перед смертью он попросил как мимолетной милости, чтобы ему позволили снова привести в порядок часы, и этот момент он использовал — так повествует сказание, — чтобы быстрым движением руки расстроить часы так, что никто больше не мог привести их в порядок.

Эта легенда кажется сперва очень неприязнительной. Но, мои милые друзья, в ней живет так, как она сложена, верное чувство существования Аримана и Люцифера и равновесия между обоими. Подумайте, какая тонкость чувств в этой легенде! И в бесчисленных подобных народных сказаниях можно найти ту же тонкость построения. В ней отразилось верное чутье Аримана и Люцифера. Сперва, неправда ли, равновесие: данное лицо, милостью духовного мира, получает способность сделать такую замечательную вещь. Сюда ничего не входит от эгоизма. Ибо, неправда ли, эгоизм мог бы явиться у каждого. Но тут дар из милости. Он действительно сделал часы не из эгоизма. Но при этом не было и никакого мудрствования, ибо определенно сказано, что это был простой человек. Этим описанием: обращая, следовательно, внимание на акт милости о:— отсутствие эгоизма, — и на простоту человека — отсутствие мудрствования, — хотели дать понять, что в человеке, в душе человека не жило ничто от Аримана и Люцифера, но что он весь находился под влиянием добрых, прогрессирующих божественных сил.

Во властителе жил Люцифер. Из эгоизма он желал иметь часы лишь для своего города — поэтому ослепил человека. Люцифер ставится тут на одну сторону. Но Люцифер, когда он тут, соединяется всегда со своим братом Ариманом. И благодаря тому, что человек ослеплен, он получает способность извне, ловким приемом, внести разрушение. Это дело Аримана.

Здесь, таким образом, добрая сила ставится между Люцифером и Ариманом. Это тонкое построение вы найдете во многих народных легендах, в простейших народных легендах. Но ощущение того, что во всю совокупность жизни вторгаются Люцифер и Ариман, это ощущение могло утратиться с течением времени, когда все более и более должно было открываться понимание того, что позитивное и негативное электричество, позитивный и негативный магнетизм и т.п. являются основными силами материального мира. Рост естественнонаучного исследования был обусловлен тем, что отошло даже ощущение духовного прозрения мира.

Ариман и Люцифер, мы увидим, как они вмешиваются в то, что человек называет познанием, что человек называет вообще своим отношением к миру, так что как раз и наступает та путаница, о которой мы говорили. И особенно в вопросе, который мы подняли, эта путаница особенно ясно выступает. Возьмем в виде гипотезы простейший пример, мои милые друзья. В качестве

примера могли бы послужить великие мировые события наравне с самыми обыденными. Я выберу очень простой пример, но мог бы взять его также и из великих мировых событий.

Предположим, что три-четыре человека собираются совершить поездку, скажем, в ущелье среди гор. Над ущельем выдается скала. Путники уже собрались, хотят выехать в определенный час. Но кучер замешкался за кружкой пива. Он опаздывает на 5 минут, затем он выезжает со всей компанией. Они проезжают через ущелье. Как раз, когда они находятся под нависшей скалой, она сползает, обрушивается на экипаж и уничтожает всю компанию. Они погибают. Может быть, погибают лишь путешественники; кучер остается цел.

Здесь, видите ли, мы имеем подобный случай. Вы можете поставить вопрос: лежит ли вина на кучере или тут господствует безусловная необходимость? Было ли безусловно необходимо, чтобы этих людей в эту минуту постигла катастрофа? Или допустима мысль, что если бы только кучер был аккуратен, ничего бы не случилось, потому что они успели бы проехать задолго до оползня.

Так среди обыденной жизни встает вопрос о свободе и необходимости, с которым тесно связан другой: “виновен” или “невиновен”. Разумеется, если все подчинено безусловной необходимости, то нельзя и говорить в высшем смысле о вине кучера, ибо тогда гибель этих людей была необходима.

Этот вопрос встает перед нами в жизни на каждом шагу. Он принадлежит, как сказано, к труднейшим вопросам, к вопросам, в разрешение которых легче всего вмешиваются Ариман и Люцифер. Сперва легче всего вмешивается Ариман при попытках разрешения этого вопроса. Это мы увидим при дальнейшем рассмотрении.

Но мы должны, мои милые друзья, пойти по совсем другому пути, чем тот, который обычно приходит на ум, когда хотят подойти к решению именно этого вопроса. Видите ли, когда человек собирается решать этот вопрос и начинает думать: ну, хорошо, это событие я могу проследить; скала обрушилась, — это случилось ..., когда он, проследив таким образом, ставит себе вопрос: лежит ли тут в основе свобода или необходимость? могло ли бы это произойти иначе? тогда он смотрит сперва лишь на внешние обстоятельства. Он видит события, протекающие на физическом плане. Это он делает из того же побуждения, из которого, например, человек, если он материалистически настроен, останавливается лишь на физическом теле человеческой сущности. Неправда ли, тот, кто ничего не знает о духовной науке, не пойдет ныне дальше физического тела человека. Он скажет то, что можно в человеке увидеть, ощупать, — то в нем и есть. Он не переходит от физического к так называемому эфирному телу; и если он настоящий тупоголовый материалист, то он будет смеяться и издеваться, когда услышит, что в основе плотного физического тела лежит более тонкое эфирное. И, тем не менее — вы знаете,

как прочно обосновано воззрение, что в основе физического тела, как и прочих членов человеческой природы, лежит еще это эфирное тело. И в течение этих лет для нас стало привычным знанием, что мы не смеем говорить об одном лишь физическом теле человека, но должны также говорить об его эфирном теле и т.д.

Но, может быть, многие из вас, мои милые друзья, еще не задавали себе вопроса: как же обстоит теперь дело с другим миром, лежащим вне человека, с миром, в котором протекают обычные мирские события? Правда, мы уже тут говорили о многом. Мы говорили о том, что человек, воспринимающий своими физическими чувствами внешние события физического плана, не имеет представления о том, что повсюду, куда бы мы ни посмотрели, есть также элементарные существа, так что там, известным образом, дело обстоит так же, как у человека. У человека есть эфирное тело — прежде ведь мы его часто называли и элементарным телом; во внешней природе, вообще во внешнем физическом свершении, мы имеем последовательность физических событий и затем мир элементарного бытия. Это идет совершенно параллельно: человек — физическое тело, эфирное тело; физические события и повсюду вплетенные в них происшествия в элементарном мире. И мы можем установить: как чрезвычайно односторонне говорить, что у человека только физическое тело, но нужно прибавить, что у него есть и эфирное тело, также должно обстоять и с внешними событиями. То, что мы сперва воспринимаем нашими физическими чувствами и нашим физическим рассудком, — это одно. Но в основе его лежит то, что аналогично эфирному телу человека. В основе всякого внешнего физического происшествия лежит действительно высшее, более тонкое происшествие.

Есть люди, имеющие до некоторой степени ощущение подобных вещей. Двоющим образом вам может встретиться это ощущение. Отчасти вы уже могли заметить у себя или у других следующее: человек прошел через что-либо. Но затем он приходит к вам ... или вы можете и сами испытать это и сказать себе: у меня все-таки чувство, что в то время, когда внешне со мной случилось то-то или то-то, со мной, с более тонким человеком во мне, происходило еще нечто совсем другое. Я полагаю, видите ли, что более глубокие натуры могут иметь такое чувство, что для дальнейшего течения их жизни могут быть важны события, которые совсем не разыгрываются на физическом плане. Что с ними нечто произошло — это одно. Другие идут далее и видят подобные вещи символически во сне. Кто-либо видит во сне, что он переживает то или иное; например, он видит, что его, скажем, раздавливает скала. Он просыпается. Он может сказать себе: это символический, аллегорический сон; с моей душой что-то произошло. И в жизни часто оправдывается, что в душе тогда произошло нечто, что гораздо значительнее, того, что только что разыгралось во внешнем мире с данным человеком на физическом плане. Человек может подняться на ступень выше,

либо в познании, либо в исправлении своей волевой природы, либо в утончении своих чувств и т.д.

На недавно прочитанных здесь лекциях я обратил внимание на то, что человек при помощи своего «Я» знает в сущности лишь часть того, что с ним происходит, и что его астральное тело несравненно более знающее. Вы помните, как я на это обратил внимание. Астральное тело знает без сомнения о многом, что происходит с нами в сверхчувственном, не в чувственном. Теперь мы приходим с другой стороны к тому, что с нами в сверхчувственном постоянно что-то происходит. Как при движении моей руки физическое движение есть лишь часть всего процесса и под ним лежит эфирный процесс, происходящий в моем эфирном теле, так точно и всякое внешнее физическое явление пронизано более тонким элементарным, протекающим параллельно в сверхчувственном. Не только существа пронизаны сверхчувственным, но все бытие пронизано им.

Вспомните теперь другое, на что я неоднократно указывал, что отчасти похоже на парадокс. Я часто указывал на то, что в духовном мы видим часто обратное тому, что бывает здесь в физическом, — не всегда, но часто, — так что, если здесь в физическом нечто верно, в духовном истина может иметь совсем другой вид. Я говорю: не всегда. Но я сосчитал много случаев в течение этих лет, когда надо сказать себе: в духовном получается как раз обратное тому, что можно было бы предположить здесь, в физическом.

В отношении к сверхчувственным событиям, идущим параллельно с чувственными, бывает иногда ... даже очень часто, то же самое.

И теперь следует спросить: когда мы видим — собирается общество, садится в экипаж, едет, скала рушится, раздавливает людей — это событие физическое. Параллельно физическому событию, внутри его, подобно тому, как наше эфирное тело внутри нас, протекает сверхчувственное событие. И нужно присовокупить: оно может быть прямою противоположностью того, что происходит в физическом. И даже весьма часто так и бывает. Здесь источник многих заблуждений при недостатке внимания. Ибо может, например, случиться следующее: если у кого-нибудь есть атактистическое ясновидение, род второго зрения, то с ним может произойти следующее: допустим, что компания собралась в дорогу, а в последнюю минуту один из участников решает остаться. И это именно, скажем, лицо, обладающее вторым зрением. Он не едет. Он уклоняется. Через некоторое время у него видение. В этом видении ему может представиться какое-нибудь событие. Разумеется, может одинаково хорошо представиться, что данные лица задавлены скалой, — но может представиться и так (это может зависеть от предрасположения), что со всем обществом случилось что-то особо счастливое. Может создаться образ особо счастливого для этого общества события. И данное лицо может затем услышать о гибели этого общества в допущенных мной условиях. Это случилось бы тогда, если бы данная сомнамбула видела не то, что

разыгрывается на физическом плане — что ведь тоже могло бы быть, — но параллельно протекающее событие в астральной плоскости: что эти люди в тот момент, когда они ушли с физического плана, призваны, быть может, к чему-то особенному в духовном мире, и это особенное наполняет их также особенной новой жизнью в духовном мире. Короче, данное лицо могло бы воспринять событие сверхчувственных миров, идущее в диаметрально противоположном направлении. И это диаметрально противоположное могло бы быть налицо. В действительности могло бы случиться, что здесь, на физическом плане, происходит несчастье, а в сверхчувственном мире ему соответствует большое счастье для данных душ.

Но найдется кто-нибудь (ведь бывают такие люди), кто считает себя умнее мудрого миропорядка и скажет: если бы я управлял миром, я не устроил бы таким образом, что я призываю души к счастью в духовном мире, повергая их в несчастье на физическом плане. Я бы устроил это лучше.

Таким людям можно ответить лишь одно: довольно понятно, что здесь, на физическом плане, люди вводятся в заблуждение Ариманом. Но мировой мудрости все-таки виднее. А именно, в основе данного факта может лежать то, что для задачи, встающей отныне перед душами в духовном мире, необходимо это переживание здесь, на физическом плане, чтобы они постоянно оглядывались, так сказать, на это физическое событие своей земной жизни и черпали бы из него соответствующие силы. Так что эти два события, физическое и духовное, являются по необходимости связанными для этих душ.

И мы могли бы, в виде гипотезы, привести всякого рода примеры того, что наряду с происходящим на физическом плане существует как бы эфирное тело этого события, относящееся к нему элементарное, сверхчувственное событие. Это означает, что мы не должны останавливаться на одном общем утверждении пантеистов, говоря, что в основе физического мира лежит духовный, — но мы должны перейти к конкретному: мы действительно должны при всяком отдельном физическом событии ясно сознавать: в основе его лежит духовное событие, действительное духовное событие и лишь физическое и духовное события, вместе взятые, образуют целое.

Видите ли, следя за происходящим на физическом плане, можно сказать: приходишь к тому, что все происходящее на физическом плане охватывается тканью мыслей. Действительно, приходишь к тому, следя за событиями на физическом плане, что находишь причину для всякого действия. Иначе и быть не может. Всюду для всякого действия находится причина. Если что-либо произошло — причина всегда найдется. Но это означает: найти необходимость. Неправда ли, по поводу простого выбранного мной примера вы можете сказать при достаточном педантизме: итак, компания собралась. Она, правда, назначила отъезд на определенное время. Но, проследив, почему запоздал кучер, я найду различные причины. Сперва, может быть, я пригляжусь к самому кучеру, как он был воспитан, откуда явилась его

мешкотность. Потом я обращаю внимание на различные обстоятельства, из-за которых он получил свою кружку пива с опозданием. Везде я могу найти лишь причинную цепь. Я могу показать, что одно так переходит в другое, что все событие не могло протекать иначе. Мало-помалу я дойду до того, что совершенно исключу свободную волю кучера, ибо, если для всякого следствия есть причина, то в это включается и то, что делает данное лицо. Неправда ли, кучеру захотелось лишь потому лишней кружки пива, что его может быть в молодости слишком мало драли. Пороли бы его больше, — а тут он ни при чем, — этого бы не случилось. Следовательно, повсюду можно найти связь причины и следствия.

Это связано с тем, что вообще понятия пригодны лишь на физическом плане. Ибо, подумайте только, если вы хотите понять что-либо, одна мысль должна следовать из другой, то есть вы принуждены развивать один член из другого. В природе понятия лежат, что одно следует из другого. Так должно быть. Но то, что на физическом плане наглядно, рассудочно, необходимо связывается — сразу меняется, как только мы попадаем в ближайший сверхчувственный мир. Там мы имеем дело не с причинами и действиями, а с сущностями. Там действуют сущности. Каждую минуту вступает другая духовная сущность или выступает из действия. Тут совершенно не встречаешься с тем, к чему можно в обычном смысле подойти с понятиями. А если бы вы хотели применить понятие к тому, что происходит в духовном мире, то могло бы произойти следующее. Вы могли бы подумать: итак, я стою здесь. Конечно, я уже дошел до того, что могу видеть, что духовно нечто происходит. То приближается некий гном, то некий сильф, то другое существо. Теперь передо мной вся совокупность существ. Я силюсь постигнуть, какие следствия проистекут из этого, не так ли? Разумеется, на физическом плане это подчас легко: когда толкают один бильярдный шар, то знают, как покатится другой; это можно высчитать. Но на духовном плане может случиться следующее. Вы увидели ваши существа и знаете теперь: ага, это существо гнома, оно собирается делать то-то, оно действует совместно с другим: случится то-то ... Вы пришли к этому заключению. В следующую минуту выскакивает другое существо и меняет все дело; или существо, включенное в ваши расчеты, уходит, исчезает, не участвует более ... Тут все основано на сущностях. Тут вы никак не можете таким же образом вплести все в ваши понятия, как на физическом плане. Это абсолютно невозможно. Одна вещь не объясняется другой с помощью понятий. Совсем другой род и порядок взаимодействия происходит в этом духовном мире, в этом параллельном с физическими событиями ряде или течении духовных событий.

И надо ознакомиться с тем, что в основе нашего лежит такой мир, про который мы не только должны сказать, что он духовный мир по отношению к нашему, но про который мы должны сказать, что там совершенно другая связь событий; что тем способом объяснения и доказывания, к которому мы

привыкли в нашем мире понятий, ничего нельзя поделаться в духовном мире, в отдельных конкретностях этого духовного мира.

Так мы видим, как два мира проникают один в другой: один, который можно охватить понятиями, и другой, который нельзя охватить понятиями, а можно только созерцать. То, на что я тут указываю, заходит очень далеко, мои милые друзья. Но люди не обращают внимания на то, как далеко это заходит.

Подумайте только, с тем, кто считает, что он может все доказывать и что значение имеет только доказуемое, может случиться следующее. Он может сказать: ну да, все должно быть доказано, а что не доказано, то не годится. Следовательно, надо все доказать и в мировой истории. Стоит мне лишь основательно напрячь мысли, тогда я смогу доказать, например, произошла ли Мистерия Голгофы или нет.

Но как люди мыслят о доказательствах? Они считают, что исходят от определенного понятия и переходят все к новым понятиям, и если это возможно, доказательство налицо. Но эти доказательства нигде не имеют силы, кроме как в физическом мире. Другой мир совершенно не следует этой системе доказательств. Ибо, если бы было возможно доказать, с необходимостью доказать, что Мистерия Голгофы должна была совершиться, если бы это вытекало из наших понятий, — то ведь она не была бы свободным деянием! Тогда ведь Христос должен был бы спуститься из космоса на землю, просто потому, что человеческие понятия доказывают это, а тем самым приказывают. Но Мистерия Голгофы должна быть свободным деянием, то есть она должна быть именно таким деянием, которое не доказуемо. Все дело в том, чтобы однажды увидеть это.

То же самое, в конце концов, когда люди хотят доказать: “Бог сотворил однажды мир” или: “Он его не сотворил”. И они плетут все дальше свои понятия. Но “сотворение мира” — то по крайней мере будет свободным деянием божественной сущности. А из этого следует, что его нельзя доказать из необходимости цепи понятий, что его можно только созерцать, если хочешь дойти до него.

Таким образом, мои милые друзья, здесь высказано нечто очень значительное: уже в ближайшем мире проникающем, как сверхчувственный, в наш мир, совершенно не господствует тот порядок, который мы можем охватить понятиями, и их доказательной силой, но там имеет место созерцание, стоящее в совершенно других отношениях к происходящему.

Я обратил здесь внимание на Рождество, мои милые друзья, как именно в наше время выступают такие, я бы сказал, противоположные вещи, которые сбивают человеческое мышление. Подумайте только, теперь вышла книга великого естествоиспытателя Эрнста Геккеля: “Мысли о вечности”. Я уже обращал на нее внимание. Эти “Мысли о вечности” содержат как раз противоположное тому, к чему многие теперь приходят из глубокого сопереживания мировых событий. Подумайте, много людей в настоящее время

(мы еще будем говорить об этом факте как раз в связи с поставленными вопросами, сегодня я хотел дать лишь введение) снова пришли к углублению своего религиозно-душевного восприятия благодаря этому факту, воздействующему таким ужасным, таким ошеломляющим образом на наши души, благодаря этому мировому факту. Многие говорят себе: если бы в основе нашего физического мира не лежал сверхчувственный порядок, как же можно объяснить то, что творится ныне? Многие вернулись к религиозному мироощущению. Мне нечего излагать ход этих мыслей: он так близок, он замечается у столь многих. Геккель приходит к другому ряду мыслей. Он говорит — и высказывает это в своей только что вышедшей книжечке: “Мысли о вечности”: Люди верят в бессмертие души. Но современные события ясно доказывают, что такая вера невозможна, ибо мы ежедневно видим гибель тысяч от простой случайности. Как же может хоть один разумный человек думать, что ввиду таких событий может быть речь о бессмертии души? Какой там может быть высший порядок?

Таким образом, для Геккеля современные потрясающие события служат доказательством его догмата, что нельзя говорить о бессмертии души. Вот мы и имеем снова антиномии: значительная часть человечества испытывает религиозное углубление, но те же события приводят Геккеля в невероятной степени к религиозной поверхностности.

Все эти вещи связаны с тем, что современные люди не выяснили себе связи между миром, доступным их чувствам и их сквозь мозг действующему рассудку, и миром, лежащим как сверхчувственный в основе первого — что они, лишь только приходят к этим вещам, запутываются в своем мышлении. Но это наше время, несмотря на все доставляемые им разочарования, все-таки даст в известном смысле углубление души, все-таки послужит поворотом от материализма. Но станет необходимым, чтобы из чистого напряжения души, отдающейся непредвзятому исследованию мира, чтобы из этого созерцания возникло знание о том, что дополняет физические события. Должно быть хотя бы небольшое собрание людей, которые в состоянии допустить, что все страдания, все горести, испытываемые ныне на физическом плане, имеют в общем развитии человечества другую, сверхчувственную сторону.

С различных сторон мы указывали уже на эту сверхчувственную сторону. Мы сделаем это еще с других точек зрения. Но все снова должно выступить перед нами, что когда удобренная кровью почва Европы снова умиротворится, должно найтись собрание людей, которые будут в состоянии услышать, духовно услышать, духовно почувствовать то, что будет поведано из духовных миров снова умиротворенному человечеству. Ибо будет истинно, глубоко истинно, засвидетельствовано как истина, то, что мы теперь часто и все снова и снова должны запечатлеть в душе:

Из мужества борцов,

Из крови битв,
Из страдания покинутых,
Из жертвенных деяний народа
Созреет духовный плод —
Если души в сознании духа устремят
Свои помыслы в царство духа.

Вторая Лекция

Берлин, 27 января 1916 г.

Мои милые друзья!

Третьего дня я пытался указать на одинаково значительную загадку, на мировую тайну необходимости и свободы в мировом свершении и в человеческих поступках. Я пытался сначала — и все сегодняшнее рассмотрение будет идти еще по тому же пути — обратить внимание на все значение и на всю трудность этой мировой и человеческой загадки. Я попробовал указать на гипотетическом примере, как в мировом свершении может встать перед нами этот вопрос. Я сказал: предположим, какая-нибудь компания отправилась в горное ущелье, над которым есть нависшая скала. Время отъезда было точно указано, но кучер замешкался, и отъезд задержался на 5 минут. Вследствие этого путешественники проезжают под нависшей скалой как раз в ту минуту, когда она рушится. И на основании внешнего суждения (я подчеркиваю: внешнего суждения) надо сказать: из-за мешкотности кучера, следовательно, из-за того, что произошло как бы по вине человека, погибла в обвале вся компания.

Последний раз я особенно хотел указать на то, что к подобной загадке не следует подходить слишком скоро с нашим обычным мышлением и думать, что ее можно разрешить. Я обратил внимание на то, что это человеческое мышление, которое ведь нам нужно прежде всего лишь для физического плана, привыкло считаться также лишь с потребностями физического плана и что это человеческое мышление начинает путаться, как только оно немного выводится за физический план. Сегодня я хочу прежде всего дать дальнейшие указания касательно глубокой значительности всей загадки. Ибо лишь следующий раз мы сможем подойти к некоторому разрешению всей задачи, когда мы окинем взором всю ее важность и все ее значение также и для человеческого познания; когда мы, например, ясно убедимся, что мы можем попасть, именно касательно труднейших жизненных проблем, в такие дебри, благодаря, я сказал бы, мудрствованиям и торопливому напору мыслей, — что мы очутимся как в лесу и будем вертеться в кругу, думая, что продвигаемся вперед. Лишь вернувшись опять на прежнее место, мы замечаем, что вертелись в кругу. Но замечательно, что в человеческом мышлении мы не замечаем, что все снова и снова

возвращаемся к той же точке. Но и об этом мы еще поговорим.

Я намекал уже, что эта значительная проблема связана с тем, что мы называем силами Аримана и силами Люцифера в мировом свершении и в том, что встречается человеку на пути его деятельности, во всем его мышлении, чувствовании и волении. И я заметил, что еще вплоть до XV века видно, что люди чувствовали это. Как ни один современный физик не стесняется говорить о положительном и отрицательном электричестве, действующем в явлениях природы, так тогдашние люди умели видеть в мировом свершении ариманическое и люциферическое, хотя они и не называли этих имен. Я указал на один, по-видимому, довольно далекий пример: на часы пражской старогородской ратуши, так искусно устроенные, что они служили не только часами, но родом календаря, на котором было отмечено каждое событие, был виден и ход планет, и указывалось наступление солнечных и лунных затмений. Короче говоря, очень искусный мастер создал тут настоящее произведение искусства. Я обратил внимание на то, что можно документально точно доказать, что профессор пражской высшей школы создал это произведение искусства, но что это для нас представляет мало интереса, ибо это событие, разыгравшееся на физическом плане. Но я указал на то, что сложилась простая народная легенда из чувства, что к такому событию причастны ариманическая и люциферическая силы — легенда, что часы сооружены на ратуше старого города в Праге простым человеком, одаренным для этого своего рода божественным откровением. А далее легенда гласила, что властитель хотел иметь эти часы лишь для себя одного, не хотел терпеть, чтобы в другом городе были построены такие же или подобные часы. Поэтому он приказал ослепить мастера, который отныне принужден был держаться вдали. Лишь при приближении смерти ему разрешили подойти к часам. И тогда он ловким ударом так свернул механизм, что часы, в сущности, никогда более не могли быть приведены в порядок.

В этой народной легенде чувствуется, как с одной стороны живет ощущение люциферического принципа, того люциферического принципа во властителе, который хотел иметь часы лишь для себя, те часы, которые были построены лишь благодатным даром, даны добрыми, развивающимися божественными силами; и как только появляется Люцифер, к нему присоединяется Ариман; ибо то было ариманическим деянием, когда ослепленный мастер испортил часы. В ту минуту, когда призывается Люцифер, — бывает и наоборот, — обратным ударом выходит Ариман. А что не один лишь народ, слагая эту легенду, ощутил нечто от Аримана и Люцифера, явствует еще из самого облика часов. Становится ясно, что и мастер хотел представить ариманические и люциферические силы именно при сооружении этих часов; ибо на этих часах, помимо тех мастерских вещей, которые я вам уже описал, есть еще нечто совсем другое. Помимо всего остального, помимо циферблата, планетного круга и т.д., имеются еще по обеим сторонам боковые фигуры, а именно: на одной стороне — смерть, на другой — две фигуры: человек с денежным кошельком в руке, которым он может позвякивать (деньгами), и человек с зеркалом перед собой, так что он может постоянно созерцать себя. В этих двух фигурах великолепно изображен человек всецело, занятый своим внешним значением: богатый скряга, ариманический человек, и человек люциферический, постоянно взывающий к силам своего тщеславия, постоянно любующийся собственным отображением, преподносимым ему в зеркале. Таким образом, сам мастер противопоставил

ариманическое и люциферическое. А с другой стороны поставлена смерть, которая все уравнивает (мы и об этом будем еще говорить), которая должна стоять как напоминание о том, что человек постоянной сменой жизней между смертью и рождением и между рождением и смертью подымается над сферой, в которой властвуют Ариман и Люцифер. Таким образом, мы видим, что сами часы дают нам прекрасное представление того, как тогда еще живо было чувство ариманического и люциферического.

Чтобы прийти к разрешению затронутого трудного вопроса, мы должны до известной степени оживить в себе это чувство ариманического и люциферического. И мир ведь, в сущности, действительно представляется нам всегда в двойственном виде. Взглянем на природу. Природа сама по себе является выражением, откровением строгой необходимости. Мы ведь знаем даже, что идеал естествоиспытателя-математика вычислить будущие события на основании предшествующих. Идеал в том, чтобы стать относительно всех природных явлений в то же положение, как относительно будущих солнечных и лунных затмений, которые вычисляются заранее по положению небесных светил. Итак, человек чувствует: поскольку он имеет дело с природными явлениями, господствует строгая, абсолютная необходимость. И как раз, начиная с XV, XVI веков, люди привыкли брать эту строгую необходимость за образец мировоззрения вообще. А из этого вытекло, что и исторические события стали пронизывать такой строгой необходимостью.

Но, с другой стороны, при исторических событиях надо иметь в виду следующее: мы ведь хотим, неправда ли, взять какое-нибудь событие, независимое от того или иного жизненного положения, в котором мы сами находимся. Возьмем, например, историческое событие: "Гете". Неправда ли, в известном отношении имеешь потребность рассматривать под углом зрения строгой необходимости и такое явление, как Гете, включая все, что он создал. Но кто-нибудь может сказать: Гете родился ведь 28 августа 1749 г. Если бы в этой семье не родился этот мальчик, что бы тогда произошло? Имели бы мы тогда произведения Гете? И можно было бы привести, что сам Гете указывал, как своеобразно он был воспитан отцом и матерью, как каждый внес свой вклад в то, чем он стал впоследствии. При другом воспитании — создал ли бы он свои произведения? И далее, взглянем на встречу герцога Карла Августа Веймарского с Гете. Если бы он его не призвал, если бы он не дал ему того, что определило течение его жизни, как мы ее знаем с 70-х годов, может быть тогда возникли бы совсем другие произведения? И опять-таки, разве не могло случиться, что Гете стал бы обыкновенным министром, если бы он получил дома иное воспитание, если бы уже тогда не был так могуч напор поэтических сил? Какой же тогда вид приняло бы то, что со времени Гете составляло содержание немецкой литературы и искусства, если бы все это было иначе?

Все эти вопросы, которые могут быть поставлены и которые вскрывают перед нами глубокое значение этой загадки. Но мы еще хорошенько не выяснили то, что не поддается поверхностному решению. Мы можем углубиться еще более и поставить еще другие вопросы. Обратимся, например, опять к художнику, который соорудил те часы на старогородской ратуше в Праге. Он поставил эти фигуры: богатого скрягу с кошельком, тщеславного человека, а против них — смерть. Теперь можно сказать: тем самым этот человек сделал нечто: он поставил эти фигуры. Но, говоря так, мы высказываем причину бесконечно многих возможных следствий. Ибо, представьте

себе живо, сколько людей стояло перед ними, перед богатым скрягой, перед тщеславным, которому показывается его собственное изображение, и перед смертью. И сколько людей видело то, в чем еще гораздо сильнее проявлялось искусство этого часовщика, а именно: всякий раз перед боем часов двигалась сперва смерть, сопровождавшая бой колокольным звоном, и другая фигура двигалась также; и смерть кивала богатому скряге, а тот кивал ей. Все это можно было видеть. Все это были важные памятники для жизни. Все это могло произвести впечатление на человека. Оно и производило глубокое впечатление. Это явствует из того, что народная легенда развилась дальше, что она прибавила еще своеобразную черту: всякий раз перед боем часов смерть — этот скелет — распирала рот и народная легенда говорила: всякий раз видишь тогда, как во рту показывается воробей. Единственное его стремление — снова вырваться на свободу, но лишь только он хочет выйти, рот захлопывается и он снова на час заперти. Глубокомысленное сказание народ связал даже с этим отпиранием и запирающим рта, желая показать то значительное, что мы так отвлеченно называем “временем”, “течением времени”. Что там живут глубокие тайны, вот что хотел показать народ.

Теперь представим себе человека, стоящего перед этими часами. Коснувшись и этого народного сказания, я хотел лишь намекнуть на все то, что можно передумать, — не только передумать, но увидеть в имажинациях; ибо такого воробья не выдумаешь: несомненно, тут стояли люди, видевшие воробья в имажинациях — я хотел лишь намекнуть на это. Но возьмем это, я сказал бы, рационалистически. Перед часами стоит человек, который, может быть, именно в эту минуту готов несколько сбиться с нравственного пути, он стоит перед часами и видит: каждый час смерть кивает богачу, который в плену у своего богатства, и тщеславному человеку. И может статься, что полученное им впечатление отвлечь его от известных нравственных заблуждений, которым он готов был подпасть.

Но можно себе представить и другое. Принимая это во внимание, можно сказать: этот человек, создавший из божественно-духовного откровения такое мастерское произведение, сделал много добра. Ибо много подобных людей могло стоять перед часами и известным образом морально исправиться. Можно бы сказать: какая благоприятная карма у этого человека, что он вызывает у стольких людей благотворные душевные воздействия. И можно начать думать: сколько благотворных душевных воздействий произвел человек, закрепив этот образ. И можно приняться высчитывать карму этого художника, говоря: что за исходная точка для бесконечно благоприятной кармы создание этих часов со смертью и Ариманом и Люцифером на них. Есть ведь люди, которые вызывают одним делом целый поток добрых дел. И этот поток добрых дел должен быть всецело вписан в их карму. И можно начать размышлять о том: как, собственно, должен я повести всякое дело, чтобы из него излился такой поток добрых дел?

Здесь вы имеете начало мышления, которое может сбиться. Попытка обдумать: как мне устроить свои дела так, чтобы из них излился такой поток добрых дел? Воздвигнутое в жизненный принцип, это является невозможностью, не так ли? Такого мнения может держаться один, говоря: такой поток добрых дел течет из того, что совершил этот человек. Но другой придет и скажет: нет, я даже лично убедился, я несколько проследил эту историю с часами и о подобных воздействиях слышал, в сущности, не много. Возможно, что он пессимист и скажет: “Для этого времени

слишком плохие. Людей не вразумишь подобными вещами. Я видел нечто совсем другое в нескольких случаях: подходили люди, исполненные известного демократического чувства ненависти ко всем богатым, еще не прорвавшейся наружу. И вот подобный человек видит, как богатый скряга и смерть кивают друг другу. “Это я приведу в исполнение” — говорит он, идет к первому богатому скряге, который ему попадается, и убивает его. И подобные деяния ненависти исходили из отдельных людей. Все это натворил тот, кто создал это произведение искусства. Все это надо поставить в счет его кармы”.

И теперь, неправда ли, опять не подумавши, кто-нибудь может сказать: следовательно, возможно, что нечто, само по себе художественно совершенное, обладающее большей внутренней ценностью, не смеет быть осуществлено в мире, потому что оно может повлечь за собой наихудшие последствия, потому что оно может вызвать бесчисленные худые последствия, которые ведь снова лягут на карму.

Мы теперь обратили внимание, мои милые друзья, на нечто — я сказал бы — бесконечно соблазнительное для всех мыслительных и душевных способностей человека. Ибо при небольшом лишь самонаблюдении мы увидим: ни к чему человек так не склонен, как спрашивать себя при том или ином: что из этого вышло? И затем измерять ценность того, что он сделал, по тому, что из этого вышло. Но подобно тому, как заходишь в известное умствование, в том примере, который я привел вам последний раз, размышляя над тем, столько ли двойных чисел направо, как чисел налево, или только половина — как тогда мышление спутывается, так оно, безусловно, спутывается и в том случае, если бы к тому, что мы так или иначе делаем, мы стали прилагать масштаб: что из этого произойдет, какой результат, например, это даст для моей кармы?

Здесь опять народное сказание умнее и — можно даже сказать — в духовно-научном смысле научнее. Ибо, разумеется, ужасно тривиально, если я это выскажу, но сказание говорит: это был простой человек, создатель этих часов. Он ничего другого не имел в виду, как мысль, которая ему была внушена, и по ней он сделал часы, и не ломал себе головы над следствиями, которые его дело могло иметь в том или другом направлении.

Нельзя, однако, отрицать — и в этом и состоит как раз вводящее в искушение и соблазн, — что действительно что-то получается, если докапываться в том роде, как я указывал; если спрашивать прежде всего при каком-нибудь деле: какие будут последствия? Это уже потому соблазнительно, что, безусловно, существуют и такие дела на свете, о последствиях которых надо справляться. И было бы, разумеется, односторонне, если бы из того, что я сказал, вывели бы заключение: всегда надо поступать, как тот мастер, никогда не надо справляться о последствиях. Ибо надо справляться о последствиях, наказывая, например, мальчика-лентяя. Итак, существуют, разумеется, вещи на свете, при которых надо, безусловно, справляться о последствиях. Но здесь именно то, что надо очень точно воспринять в душе: что в мировом соотношении мы действительно получаем впечатления с двух сторон: с одной стороны мы получаем впечатления от физического плана, а с другой стороны — от духовного плана (и народная легенда указывает на это, говоря: это был простой человек, откровение божественно-духовных сил, милостиво дарованное свыше). И когда нам даны эти впечатления из духовного мира, когда из духовного мира нечто подходит к душе, что побуждает ее сделать то или другое, тогда это момент в жизни,

когда убеждаешься в достоверности другого рода, в истине другого рода, не в объективном, а в субъективном смысле, когда мы даем вести себя истине, — в достоверности другого рода, которая непосредственна и на которой, как на непосредственной, мы должны остановиться. Вот в чем тут дело.

С одной стороны, мы находимся в физическом мире. В физическом мире все имеет такой вид, как будто последующее событие, само собой разумеется, вытекает из предыдущего. Но мы находимся и в духовном мире. И я постарался последний раз выяснить, что подобно тому, как в нашем физическом теле есть эфирное, так во всем потоке событий физического мира происходят и сверхчувственные события. И мы находимся среди этого сверхчувственного свершения. И из него мы получаем первичные побуждения, которым мы должны следовать, независимо от того, какие будут следствия в физическом мире. У человека, поставленного в мире, есть ведь род уверенности, которая должна прийти к нему от рассматривания внешних вещей. Так поступает и естествоиспытатель. Он не может иначе прийти к уверенности о причине и следствии, как рассматривая природные явления. Но, с другой стороны, мы имеем возможность и непосредственной достоверности, если мы только желаем ее, если мы действительно открываем наши души этой непосредственной достоверности. И тогда важно остановиться на каком-нибудь событии и уметь определить его по его внутренней ценности, по его своеобразию.

Последнее, без сомнения, трудно, мои милые друзья. Но события, особенно события мировой истории, непрерывно понуждают нас оценивать по их достоинству вещи и происшествия, протекающие вне нас в истории. Это постоянная необходимость. Но здесь спутанность понятий у людей резко бросается в глаза, если точнее исследовать дело, что при правильном подходе завело бы нас очень далеко. В сущности говоря, эту спутанность понятий нельзя всегда непосредственно проверить у всякого отдельного лица. Возьмем событие Фауста Гете. Это создание, которое имело место, не так ли? Вряд ли в этом зале много людей, которые не разделяли бы мнения, особенно после различных наших рассмотрений, относящихся ведь и к Фаусту, что в Гетевском Фаусте человечеству было даровано великое произведение искусства, проистекшее действительно из благодатного вдохновения свыше.

Видите ли, ведь через Гетевского Фауста немецкая духовная жизнь в некотором роде завоевала и другие духовные жизни. И еще при жизни Гете его Фауст сильно воздействовал на многих. Эти люди смотрели на Фауста, как на великое, единственное творение. Один немец был особенно обозлен тем, что г-жа де Сталь произнесла особенно благоприятное суждение о Гетевском Фаусте. Я хочу сейчас прочесть суждение этого человека о Фаусте, чтобы показать вам, как могут расходиться мнения относительно того, что мы должны считать за индивидуальное, хотя вы теперь, может быть, и полагаете, что о Фаусте может быть лишь одно мнение. Этот человек начинает прямо с Пролога в небо. Это написано в 1822 г. неким г-н фон Шпауном. Он произнес следующее суждение о Гетевском Фаусте:

“Уже Пролог показывает, что господин фон Гете очень плохой стихотворец, а сам Пролог — настоящий образец того, как не надо писать стихов”. В протекших временах нет ничего, что можно было бы сравнить по самомнительному ничтожеству с этим Прологом. Я должен доказать читателю, что этот подозрительный “Фауст” пользуется узурпированной и незаслуженной славой и обязан ей только тлетворному влиянию сообщества темных мужей (*associatio obscurorum virorum*) ... Мой голос

может быть заглохнет среди стольких приветственных кликов, но я сделаю, что могу; если бы мне удалось обратить хоть одного читателя и на миг отвратить его от поклонения этому чудищу, я бы не пожалел моего неблагодарного труда ... Бедный Фауст произносит какую-то непонятную тарабарщину в таких скверных виршах, которые едва ли когда-либо сочинил ученик младших классов. И выдрал же бы меня мой учитель, если бы я написал подобные скверные стихи ...

Сам Мефистофель признает, что Фауст еще до контракта одержим дьяволом. Мы же полагаем, что дорога ему не в ад, а в сумасшедший дом, со всем, что относится к нему, а именно с руками и ногами, головой и задом. Многие писатели дали нам образцы высокопарной галиматьи, громкозвучащей бессмыслицы, но Гетевскую галиматью я бы назвал новым жанром, популярною галиматъею, ибо она преподносится на подлейшем и сквернейшем языке.

Чем больше я думаю об этой бесконечной бессмысленной галиматъе, тем больше мне кажется, что тут побились о заклад: если знаменитому человеку взбредитя состряпать скучнейшую плоскую чепуху, все-таки наберется целый легион глупых литераторов и одураченных читателей, которые в этой мелкотравчатой чепухе сумеют найти глубокую мудрость и великие красоты. Знаменитые люди имеют то общее с бессмертным Далай-ламой, что их к ... преподносят как конфету и почитают как реликвию. Если таково было намерение г. фон Гете, он заклад выиграл ...

Этот понос непереваренных идей вызван не чрезмерным напором здоровых жидкостей, а ослаблением сфинктера рассудка, и служить доказательством слабого сложения ... Если гений Гете освободился от всех оков, то ведь поток его идей не может прорвать плотины искусства; они уже прорваны. Но если мы и не порицаем, когда автор переступает условные правила композиции, то должны же быть священны для него законы здорового человеческого смысла, грамматики и ритма... Герой Фауста доходит просто до обыкновенных преступлений, а искусителю его волшебство совсем ни к чему: все, что он делает, делал бы также хорошо без всякого колдовства любой мерзкий сводник. Он скуп, как ростовщик, хотя в его распоряжении зарытые клады...

Короче, жалкий черт, которому бы еще поучиться у Лессинговского Маринелли. Вслед за ним я кассирую во имя здравого человеческого смысла приговор г-жи де Сталь в пользу означенного Фауста и приговариваю его не в ад, который охладился бы от этого ледяного продукта, так как самого черта при этом мороз подирает по коже, а в "парнасскую клоаку".

Вы видите, мои милые друзья, и такой приговор был однажды произнесен; по всему видно, что он принадлежит не безусловно нечестному человеку, но убежденному в том, что он писал. И представим себе только, что этот человек, говорящий о том, что еще в младших классах учитель удержал бы его от написания такой дряни, как Фауст, сам делается учителем и имеет много учеников, которым он внушает свои взгляды. Эти мальчики, может быть, в свою очередь становятся учителями, запомнив этот приговор над Фаустом. Представим себе, сколько еще можно умствовать по поводу того, что кармически натворил этот человек своим суждением. Но не об этом речь; а я главное хочу обратить внимание на то, что относительно событий, имеющих в некотором роде свою самостоятельную ценность, трудно составить себе настоящее, верное суждение, которое останется до известной степени неизменно. И во многих лекциях именно здесь я указывал на то, как многие величины XIX века не будут

считаться величинами в последующие века — а совершенно забытые люди станут великими и значительными в будущем. Конечно, в таких вещах нужна поправка на время. Я хотел лишь указать, как бесконечно трудно составить себе суждение относительно вещи, имеющей свою самостоятельную ценность. Почему же это так трудно?

Мы должны спросить себя: что составляет тут трудность? Мы увидим при этом рассмотрении, что критик не ставит себя на место того человека, которого он обсуждает. Мы говорим теперь, что те, которые уже тогда смотрели на Гетевского Фауста, как на великое художественное произведение, судили до известной степени объективно, выключали самих себя. Этот же человек, о котором только что шла речь, не выключил себя. Но как вообще мы приходим к необъективным суждениям? Люди так часто судят не объективно, что даже и вопрос этот не ставится. К необъективным суждениям мы приходим из симпатии и антипатии. Не было бы симпатий и антипатий, — не было бы необъективных суждений.

Симпатия и антипатия, как видим, затемняют объективность суждения. Но разве они от этого становятся плохи? Разве их следует просто выключить из человеческой жизни? После минутного размышления мы увидим, что это не так. Ибо, именно когда мы углубляемся в Гетевского Фауста, Фауст становится симпатичным нам и мы все более вживаемся в симпатию. Мы должны иметь возможность проявить симпатию. И, в конце концов, если мы совсем не можем проявить антипатии, то мы не будем иметь вполне правильного суждения о человеке, суждение которого мы только что слышали. Ибо я полагаю, что в вас могло подняться чувство антипатии к этому человеку, и оно может быть обосновано. Но тут мы опять видим, что все дело в том, чтобы не брать этих вещей, так абсолютно, а рассматривать их в общей связи. Симпатия и антипатия возбуждаются не только вещами в человеке, но они сопровождают его во всей жизни; он сам несет навстречу симпатию и антипатию, так что вещи действуют не на него, а на его симпатию и антипатию. Но что это значит? Я подхожу к вещи или к событию. Я приношу с собой свою симпатию и антипатию. Конечно, вышеуказанное лицо не подошло непосредственно с антипатией к Фаусту, но он подошел с такими чувствами, что то, что он встретил в Фаусте, показалось ему антипатичным. Суждения человека вполне зависят от того, куда направлены его влечения.

Что же лежит тут в основе? А то, мои милые друзья, что симпатия или антипатия только слова, скрывающие реальные духовные факты. А реальные духовные факты — деяния Аримана и Люцифера. В каждой симпатии заключено в некотором роде люциферическое, а в каждой антипатии — ариманическое. И давая симпатии и антипатии вести нас в миры, мы даем вести нас Ариману и Люциферу. Но не следует снова впадать в ошибку, которую я уже часто отмечал, не следует говорить: “Люцифер! Ариман! Будем избегать их. Мы хотим стать хорошими людьми. Мы не хотим и слышать о Люцифере и Аримане. Долой их, окончательно долой!” Но тогда и нас долой из мира! Ибо как существует положительное и отрицательное электричество, а не только средняя равнодействующая между ними, так всюду существуют Люцифер и Ариман. Дело лишь в том, в какое отношение мы становимся к ним. Обе силы должны быть. Следует лишь приводить их постоянно к равновесию в жизни. Без Люцифера, например, не было бы искусства. Только не следует создавать такого искусства, которое передавало бы одно люциферическое.

Итак, мы должны помнить: когда мы несем с собой в мир симпатию и антипатию, в нас действуют Люцифер и Ариман, то есть мы должны получить возможность предоставить Люциферу и Ариману действительно действовать в нас. Но, сознавая, что они действуют в нас, мы должны усвоить, тем не менее, способность объективного отношения к вещам. Это возможно лишь благодаря тому, что мы не только обращаем внимание на то, как мы судим о том, что вне нас происходит в мире, но что мы обращаем внимание и на то, как мы судим о самих себе в мире. И это “суждение о самих себе в мире” вводит нас, мои милые друзья, опять на ступень глубже во всю проблему, во весь комплекс проблемы. Судить о себе самих в мире мы можем, применяя к этому суждению однородный способ рассмотрения. Мы должны теперь поставить вопрос:

Мы смотрим вовне на природу. С одной стороны мы видим строгую необходимость, — одно вытекает из другого. Мы смотрим на наши собственные действия и думаем, что они, эти действия, подчинены лишь свободе и связаны лишь с виной, искуплением и т.п. И то, и другое односторонне, и в том, и в другом мы неправильно судим о положении Люцифера и Аримана. Это видно из следующего. Когда мы, как люди, находящиеся здесь, на физическом плане, вглядываемся в нашу душу, мы не можем видеть в ней только то, что непосредственно в ней теперь происходит. Когда каждый из нас спрашивает себя, что теперь непосредственно в нас происходит, это, несомненно, относится к самопознанию. Но это самопознание еще далеко не дает всего, чего мы могли бы желать даже для поверхностного самопознания. Ибо все мы здесь присутствующие: я, который говорю с вами, вы, слушающие меня, — я не мог бы говорить так, как говорю теперь, если бы не предшествовало все то, что предшествовало в моей нынешней жизни и в других воплощениях. Поэтому было бы очень односторонне по отношению к моему самопознанию, если бы я принял во внимание лишь то, что я теперь говорю вам. Но ясно, что и из вас каждый слушает иначе, каждый воспринимает и постигает в разных оттенках то, что я говорю. Это ведь само собой понятно. И все вы воспринимаете это опять-таки в масштабе нашей предыдущей жизни и ваших предыдущих воплощений. Надо перестать быть человеком, чтобы не воспринимать каждый по-своему то, что здесь говорится. Но это ведет еще дальше. Это ведет к тому, чтобы вообще признать в себе двойственность. Подумайте только о том, что вы, произнося суждение, произносите его всегда определенным образом. После какого-нибудь спектакля, например, один будет в восторге, другой скажет, что это порча искусства. Отчего зависит, что один судит так, а другой иначе? Опять-таки от того, что в нем заложено, от предпосылок, с какими он подойдет к вещам. Но, поразмыслив об этих предпосылках, вы должны сказать: эти предпосылки некогда не могли быть предпосланы. В суждение, произносимое вами в данную минуту, вливается, скажем, то, что вы, например, однажды увидели в 18 лет, или что вы выучили в 13 лет. Это вливается, это связалось со всей тканью вашей мысли, сидит в вас, участвует в суждении. Всякий, при желании, может, разумеется, заметить это на себе. И попробуйте спросить себя, можете ли вы изменить то, что в вас сидит, можете ли вы вырвать это из себя? Если бы это вам удалось, вы бы ведь вырвали все ваше прошлое существование в этом воплощении, вы бы погасили себя. Вы также не можете уничтожить то, что вы пережили, решения вашей мысли или чувства, как не можете сделать себе другого носа, если ваш вам не нравится. Вполне ясно: нельзя погасить своего прошлого. Тем

не менее, собираясь утром вставать, вы заметите: на это всегда надо решиться. Это решение в действительности зависит и от предпосылок вашего нынешнего воплощения, и от многого другого. Но когда я говорю себе, что это зависит от того или другого, разве это мешает тому, что я все-таки должен однажды решиться встать? Может быть это “решение встать” будет так мимолетно, что мы его совсем не захотим, но оно все-таки должно быть, то есть вставание должно быть свободным действием. Я знавал человека, принадлежавшего одно время к нашему обществу, который прекрасно иллюстрировал это положение в том смысле, что ему никогда не хотелось вставать. Он страшно страдал от этого и снова и снова жаловался на это. Он говорил: я не могу встать! Если бы не наступало чего-нибудь внешнего, что по необходимости подымает меня с постели, я бы всегда остался лежать. Он попросту каялся в этом; он клялся, потому что он ощущал это, как сильнейшее искушение, стоявшее в его жизни: он не желал вставать! Из этого вы видите, что это все-таки свободное действие. И то, что в нас заложены известные предпосылки, способствующие той или иной причине, не препятствует нашему свободному действию в отдельном случае. Итак, возникает вопрос... в известном отношении дело обстоит именно так: есть люди... ну, скажем, медленно вылезающие из постели, нуждающиеся в более сильном побуждении, другие встают с радостью. Можно сказать: из этого видно, что имеют значение предварительные условия, что один хорошо воспитан, а другой — плохо. Мы можем увидеть в этом известную необходимость, но это все-таки остается свободным решением. Итак, мы видим в одном и том же факте, в факте нашего вставания, сочетание свободы и необходимости. Они, безусловно, переплетены. Одна и та же вещь имеет в себе и свободу, и необходимость. И я прошу не упускать из виду, что при внимательном рассмотрении нет места спору: свободен человек или нет, но можно лишь сказать: во всяком действии человека сплетаются свобода и необходимость.

Откуда же это происходит? Мы не подвинемся далее в нашей духовной науке, если не будем рассматривать человеческое одновременно со всем мировым соотношением. Откуда же это? Я скажу сейчас сравнительно простую вещь, но имеющую огромную важность: то, что действует в нас как необходимость, что мы рассматриваем, как необходимость, это есть прошедшее в нас. Мы должны пройти через что-нибудь, что отлагается в нашей душе. Оно остается тогда в нашей душе и действует далее как необходимость.

Теперь, мои милые друзья, вы можете сказать: каждый несет в себе свое прошлое, каждый тем самым несет в себе необходимость. Настоящее не имеет в себе характера необходимости, иначе свободное действие в настоящем не было бы непосредственно дано. Но в настоящем действует прошедшее и связывается со свободой. Благодаря продолжающемуся воздействию прошедшего, необходимость и свобода тесно сплетаются в одном и том же действии.

Если мы поглядим на себя, если мы займемся самонаблюдением, мы скажем: необходимость не только в природе вовне, но она и внутри нас. Но, смотря на эту необходимость, мы должны смотреть на наше прошлое. Это даст духовному исследователю важную точку зрения, бесконечно важную точку зрения. Он познает связь между прошедшим и необходимостью. И тогда он начинает испытывать природу и находит в природе необходимость и познает, изучая природные явления, что все то, что естествоиспытатель встречает в природе как необходимость, есть тоже

прошедшее. Что такое вся природа с ее необходимостью?

На это нельзя ответить, если не искать ответа в основах духовной науки. Мы теперь проходим бытие Земли. Ему предшествовало бытие Луны, Солнца, Сатурна. В эпоху Сатурна — прочтите об этом в “Тайноведении” — планета еще не имела нынешнего вида Земли, она была совсем другая. Исследуя Сатурн, вы видите: там все внутри похоже на мысли. Там еще не падают камни на Землю. Нет еще плотного физического. Во всем одни лишь тепловые воздействия. Оно напоминает то, что происходит во внутреннем человека. Это душевные воздействия, мысли, оставленные божественными духами. И они остались. И вся нынешняя природа, которую вы обозреваете в ее необходимости, вся эта природа была некогда свободной, была свободным деянием Богов. И лишь потому, что это уже прошедшее, что то, что развилось на Сатурне, Солнце и Луне, перешло к нам так, как продолжают в нас действовать наши детские мысли, лишь потому эти мысли Богов, перешедшие из бытия Сатурна, Солнца и Луны в земное бытие и ставшие прошедшими мыслями, кажутся нам необходимостью.

Когда вы теперь, мои милые друзья, кладете руку на твердый предмет, что это, в сущности, значит? Это значит, что то, что заключено в твердом предмете, было некогда, в давно прошедшие времена, заключено в мысли, и эта мысль осталась, как остаются в нас мысли нашей молодости. Когда вы смотрите на свое прошлое и ощущаете его как живое, вы видите в себе становление природы. Как то, что вы сейчас думаете или говорите, не является необходимостью, но свободой, так то, что составляет ныне земное бытие, было свободой на прежних ступенях бытия. Свобода развивается все дальше, а, пребывая, она становится необходимостью. Если бы мы видели то, что теперь происходит в природе, нам бы не пришлось в голову называть это необходимостью. Мы видим в природе лишь отошедшее. То, что сейчас составляет природу, духовно. Этого мы не видим.

Благодаря этому человеческое самопознание получает совершенно особое космическое значение. Мы имеем теперь некую мысль. Она в нас. Мы, конечно, могли бы и не иметь ее. Но, продумав эту мысль, мы сохраняем ее в нашей душе. Теперь она — уже прошлое. Теперь она действует, как необходимость, представляет собой еще тонкую необходимость, не такую плотную материю, как в природе вовне, потому что мы люди, а не Боги. Мы доходим до того, что видим в себе эту внутреннюю природу, которая остается в нас, как наша память, как наши воспоминания, и является действенной в наших необходимостях. Но то, что теперь является мыслями в нас, станет уже внешней природой на Юпитере, на Венере. Там они будут действовать, как внешнее окружение. И то, что мы теперь видим вокруг нас, как внешнюю природу, было некогда мыслями Богов.

Мы говорим теперь об Архаях, Ангелах, Архангелах и т.д. Они мыслили в прошлом так, как мы мыслим теперь. Их мысли остались как их память, и эту память мы теперь созерцаем. Мы можем лишь внутренне созерцать наши воспоминания во время земного бытия. Но внутренне оно уже стало природой. Мысли Богов во время прежних планетарных состояний стали внешними, и мы видим их, как внешнее.

Видите ли, мои милые друзья: правда, глубокая правда, что до тех пор, пока мы земные люди, мы мыслим, мы погружаем как бы мысли в нашу душевную жизнь. Там они становятся начатками природного бытия. Но они в нас. Но когда наступит бытие Юпитера, они выйдут из нас. И то, что мы теперь думаем, что мы вообще переживаем

в себе, станет тогда внешним миром. И тогда мы с более высокой степени будем взирать, как на внешний мир, на то, что теперь является нашим внутренним миром. То, что когда-то переживается в свободе, превращается в необходимость.

Это очень, очень важные точки зрения. И только держась этих важных точек зрения, можно прийти к пониманию своеобразного хода исторических событий, понять современные события, то, что сейчас разыгрывается. Ибо эти события непосредственно заставляют нас искать путь от субъективного к объективному. Субъективны мы, в сущности, только в настоящем. Как только мы вышли за настоящий момент и протолкнули субъективное в душевную жизнь, оно получает самостоятельное бытие; правда, сперва лишь в нас. Но оно получает самостоятельное бытие. И в то время как мы живем далее с другими мыслями, прежние мысли продолжают жить, пока лишь в нас. Мы даем им до поры до времени оболочку. Но эта оболочка однажды отскочит. И в духовном деле обстоит уже иначе. Поэтому вы должны с этой точки зрения рассматривать событие, которое я гипотетически поставил перед вами. Если смотреть внешне, то обрушилась скала и задавила туристов, но это лишь внешнее выражение того, что происходит в духовном. И происходящее в духовном является другой стороной события, столь же объективной, как и первая.

Вот то, что я хотел развить сегодня, чтобы показать, мои милые друзья, как сплетаются свобода и необходимость в мировом становлении и в том становлении, среди которого мы сами находимся, как живые люди; как мы сплетены с миром, как мы сами ежедневно, ежечасно становимся тем, что природа являет нам извне. Наше прошлое в нас самих есть уже кусок природы. И мы переступаем за этот кусок природы, развиваясь далее, как и Боги прошли через свое развитие, через свое природное развитие, становясь более высокими Иерархиями.

Это один из тех многочисленных путей, которые все снова и снова должны показывать нам, как все то, что происходит в физическом, не может быть односторонне обсуждаемо лишь по своему физическому облику, но как должно принимать во внимание, рядом с физическим обликом, еще скрытое духовное. Как истинно то, что наше физическое тело имеет в себе еще эфирное, так же истинно то, что в основе всего чувственного лежит сверхчувственное. И из этого мы должны вывести заключение, что наш взгляд на мир, в сущности, очень несовершенен, если он ограничивается тем, что представляется нашему глазу, что протекает вовне. В то время как внешне происходит нечто совсем другое, внутри, в духовном, одновременно связанное с ним, может происходить нечто, что имеет большее, незримо большее значение, чем то, что представляется нашему физическому взору. То, что души засыпанных людей пережили в духовном, может быть несравненно значительнее, чем то, что внешне произошло. Это имеет отношение, как мы увидим, ко всей будущности этих душ.

Третья Лекция.

Берлин, 30 января 1916 г.

Мои милые друзья!

То, что я дам вам сегодня, как продолжение предыдущих рассмотрений, я попытаюсь уяснить снова с помощью гипотетического случая. Многие вещи, связанные именно с глубочайшими загадками человеческого бытия, легче всего изъять из отвлеченного способа рассмотрения и приблизить к действительности, если мы будем пользоваться примерами. Разумеется, то, что я буду говорить об этом вымышленном случае, применимо ко всем возможным положениям жизни.

Представим же себе, следовательно, школу, скажем, школу из трех классов с тремя учителями и директором. Предположим, что эти три учителя чрезвычайно различных характеров и темпераментов. Мы в начале школьного года. Директор обсуждает с учителями предстоящий школьный год. Учитель одного класса, на вопрос директора: что он намерен предпринять для наиболее успешного ведения дела? — говорит: во время каникул я тщательно отметил и записал все то, в чем мои ученики не вполне преуспели в истекшем году и что, следовательно, зависело от моего неправильного ведения дела. И я составил сейчас новый план, содержащий все то, что, по моему убеждению, хорошо удалось в прошлом году, что перешло в мозги учеников. Я так наметил задания текущего года, что весь новый план содержит лишь самое лучшее, доказавшее свою пригодность в прошлом году. И на дальнейшие расспросы директора он мог сейчас же предъявить распределение всего учебного материала. Он привел далее, каковы будут школьные и домашние работы в течение года, все темы для них были по его словам проверены тщательным опытом прошлого года. Тогда директор сказал: я весьма доволен. Вы, без сомнения, старательный педагог и я уверен, что Вы с Вашим классом достигнете превосходных результатов.

Второй учитель сказал подобным же образом: я проверил всю мою прошлогоднюю школьную работу и заметил все мои ошибки. Я составил свой новый план таким образом, чтобы избежать всех старых ошибок. И он также показал директору разработанный план: темы для всех школьных и домашних ученических работ на весь год, которые он хотел дать, умудренный своими прежними ошибками. Директор сказал: предыдущий учитель постарался составить свой план на основе того, что ему лучше всего удалось. Вы же пробуете избежать всех недостатков. Оба способа годны. Я спокоен, что Вы достигнете прекрасных результатов. Я с удовлетворением вижу — прибавил директор, — что учителя моей школы, оглядываясь на то, что они сделали, умеют с мудрым самопознанием начертить свой путь.

Очередь была за третьим учителем, который сказал: я тоже во время каникул немало думал над школьной жизнью истекшего года. Я старался изучать характер моих учеников, вспоминал, что делал тот или другой.

Значит, сказал директор, — и Вы тоже заметили свои достижения и ошибки и тоже набросали род программы на будущий год. Но учитель сказал: Нет. Я, конечно, ошибался; иное мне и удалось. Но я только изучал характеры учеников и то, что происходило. Я не думал особенно ни о моих ошибках, ни о моих достижениях. Я думал: то, что случилось, должно было случиться. И я изучал лишь то, что, по моему мнению, должно было по необходимости случиться. Ученики имели определенные свойства. Их то я старательно и изучал. Я тоже имел определенные свойства и взаимоотношения тех и других, что и обусловило то, что произошло. Больше я ничего не могу сказать.

— Ну, — сказал директор, — как кажется, Вы очень самодовольный человек. Составили ли Вы также программу, разработали ли темы классных и домашних работ для своих учеников? — Нет, — сказал тот, — этого я не сделал. — Что же Вы имеете в виду для Вашего класса? — Я увижу, какие у меня будут ученики в этом году. И я думаю, что я их лучше узнаю, чем в прошлом году, потому что я во время каникул все изучал характеры прошлогодних учеников. Но каковы они будут в этом году, я ведь не могу знать, это выяснится лишь потом. — И Вы не разработаете тем для классных и домашних работ? — Да, но лишь тогда, когда я познакомлюсь с одаренностью учеников. В зависимости от этого я и буду поступать. — Это достаточно неопределенно — сказал директор, — на это трудно положиться.

Но делать было нечего, директору пришлось на это положиться. Дело пошло в ход. Во время своих частых осмотров школы директор видел, как превосходно шло дело у первых двух учителей. С третьим он никогда не был спокоен, не был уверен за будущий месяц. В конце года, на экзамене, директор убедился, что деятельность первых двух учителей была очень успешная; и у них, разумеется, иные ученики провалились, другие — выдержали, но все было в порядке. Третий учитель не обнаружил в своем классе после экзамена заметно худших успехов. Но в течение года распространилось мнение, что он был очень снисходителен, смотрел часто сквозь пальцы, когда другие учителя были строги — и у директора сложилось убеждение, что класс последнего учителя — наихудший.

Наступил следующий год. Прошли каникулы. Все три учителя высказались в том же духе, как в прошлом году. Школьный инспектор стал чаще посещать школу и, подготовленный директором, нашел, разумеется, что первые два учителя — очень хороши, а последний — очень посредственный. Это было неминуемо. Нечего прибавлять, что через несколько лет оба хороших учителя были представлены к ордену, что директор получил орден высшей степени. Ведь это второстепенно, не правда ли?

Через некоторое время в школу был назначен новый директор. В начале школьного года произошло снова совещание и все три учителя высказались в старом духе. И директор сказал: существует, несомненно, известное различие в методах. Но я считаю, что оба первые должны несколько сообразоваться с

методами третьего учителя. — Как, — возразили первые, — прежний директор полагал как раз наоборот. — Но новый директор остался при своем мнении.

Но первые учителя не могли хорошо сообразоваться с манерой последнего, потому что они вообще не могли себе представить, как можно разумно предвидеть то, что случится на будущий год, не обдумав ничего вперед. Они этого просто не могли понять.

Тем временем прежний директор продвинулся по своим заслугам до инспектора и был чрезвычайно изумлен взглядами, развиваемыми его преемником в школе, которую он так хорошо знал. И он сказал: третий учитель всегда составлял программы лишь с недели на неделю, смотря по ученикам. Но при этом ведь совершенно невозможно что-либо предвидеть! — Тогда директор сказал: — Видите ли, я тоже расспросил моих учителей, — как они относятся к тому, что можно предусмотреть заранее. Первые двое мне объявили: — я, наверное, знаю, что 25-го февраля следующего года задам то или то. А на Пасху я пройду то-то. Я заранее могу сказать, что произойдет. — А третий учитель сказал мне: — я не знаю, что будет на Пасхе. И я не знаю, что я задам ученикам в феврале. Это будет зависеть от состава учеников. — И он полагал при этом, что он может до известной степени предвидеть, что дело пойдет хорошо. — И, в сущности — прибавил новый директор, — я с ним совершенно согласен. Всегда оказывается лишь потом, правы ли мы были со своими предвидениями; а, изучая характеры прошлогодних учеников, мы лучше научаемся узнавать характеры новых. Я вижу, что этим достигается большее. — Но ведь тогда все остается неопределенно, — возразил прежний директор. — Что же тогда можно установить на весь год? Но ведь надо же уметь предвидеть при всякой разумной организации! — Да, — сказал новый директор, — можно предвидеть, что дело пойдет хорошо, если до известной степени установишь связь с гением, действующим в материале, представляемом учениками, если будешь иметь доверие к этому гению. В таком случае нельзя, конечно, предвидеть, какая классная работа будет задана в феврале, но можно предсказать, что будет задана именно та, что нужно. — Но тогда все-таки нельзя ничего предвидеть, все остается неопределенно. — Видите ли, — сказал директор, — я занимался прежде тем, что люди называют духоведением. И тогда я отметил, что существа, стоящие значительно выше людей, и в гораздо более важных обстоятельствах поступали так же: ибо в Библии сказано в начале: “И Бог создал совет”, и лишь после этого сказано: “И Бог увидел, что это хорошо”. На это инспектор не нашелся ничего возразить. И так дело шло далее некоторое время. Но подобные директора встречаются не часто, не правда ли? Итак, директор был скоро смещен и заменен другим, более похожим на инспектора. И все пошло дальше своим чередом, пока, наконец, в один прекрасный день третий учитель, этот совершенно (я не хочу сказать) “беспорядочный” человек был со стыдом выгнан из школы и на его место поставили другого, более по образцу

первых двух. И во все протоколы и послужные списки было занесено, какие большие успехи были достигнуты первыми двумя учителями, и какой, в сущности, плохой материал был выпущен из школы последним, по той простой причине, что он смотрел сквозь пальцы; иначе все бы провалилось.

Прошло много лет. Случайно имел место замечательный факт. Смещенный директор попытался глубже исследовать дело. Он проследил успехи учеников у других учителей и нашел, что ученики третьего учителя успевали гораздо менее, попадая к другим учителям, чем ученики первых двух. Но на этом директор не остановился и проследил далее в жизни учеников этих трех учителей. И оказалось, что ученики первых двух стали, без сомнения, достойными людьми (с исключениями, разумеется), но что они не достигли ничего особенного. Но среди учеников третьего учителя оказались совсем выдающиеся люди, которые достигли значительно большего, чем остальные.

В одном случае он мог это показать. Но это не произвело особенного впечатления на людей, стали говорить: нельзя же проследить всю жизнь тех, что кончили школу. Это и немислимо, и совершенно ни к чему. Так полагали люди.

Зачем рассказал я вам все это? Видите ли, есть важное различие между первыми двумя учителями и третьим. Первые два пережевывали во время каникул работу истекшего года. Третий не делал этого, но ощущал, что все, что случилось, должно было случиться. И когда первый директор все повторял ему: “Ведь Вы тогда никогда не сумеете избежать ошибок или осуществлять полезное, если не будете изучать плохого и хорошего в Вашей прошлой работе”, — он сначала на это ничего не возражал, потому что не имел особой охоты выяснять это директору. Но про себя он подумал: если я и знаю, какие ошибки произошли в моей совместной работе с учениками, то ведь в этом году у меня другие ученики и прежние ошибки ничего не доказывают. Я должен считаться с новым материалом!

Короче, мои милые друзья, вы видите, что первые два учителя имели дело с мертвым, а третий шел с жизнью. Можно также сказать: первые считались все с прошлым, последний же с непосредственной действительностью; и он не ломал себе головы над прошлым, говоря себе: это должно было произойти так; это случилось по необходимости в силу данных условий.

И рассматривая вещи так поверхностно, по внешней оценке, приходишь действительно в заблуждение относительно истинного хода мира. Заблуждаешься потому, что, поступая в смысле первых учителей, судишь о настоящем по мертвому прошлому, по тому, что в прошлом должно оставаться прошлым. Последний же учитель извлек из прошлого живое тем, что он просто изучал характеры и, благодаря этому, совершенствовался; он больше всего старался, оглядываясь на прошлое, сам подвинуться вперед. И он сказал себе: если я подвинусь вперед, я достигну большего в будущем с моими повышенными способностями. — Первые учителя сказали себе, питая

известное суеверие к прошлому: надо избегать былых ошибок и применять то, что оказалось хорошо. Но они делали это в мертвом духе. Они не хотели повышать своих способностей, а руководствовались лишь внешним наблюдением. Они не хотели действовать посредством живой работы над собой, а полагали, что из одного наблюдения, из одних данных наблюдения можно приобрести нечто для будущего.

С точки зрения духоведения мы должны сказать: первый учитель, старательно исследовавший, какие преимущества он имел в прошлом, чтобы снова включить их в свою будущую работу, действует в духе Аримана. В духе Аримана прилепляться к прошлому и самодовольно, из личного эгоизма, с удовлетворением рассматривать то, что хорошо удалось и ублажать себя за это.

В характере второго учителя господствовали более люциферические силы. Тот все раздумывал над своими ошибками и говорил себе: этих ошибок я должен избегать. Он не говорил себе: то, что случилось, было необходимо, должно было случиться, но говорил: я сделал ошибки. В этом желании быть лучше, чем мы есть в действительности, всегда есть нечто эгоистическое, когда говорят о своих ошибках, что их следовало избежать, что их надо избежать теперь. Прилепляются к прошлому, подобно Люциферу, который духовно переносит прошлое в настоящее. Это в духе Люцифера.

Третий учитель был одушевлен — хотелось бы сказать — силами нормально развивающихся божественных сущностей, верным божественным принципом, который уже в начале Библии выражается в том, что Элохимы сперва создают, а потом видят, что созданное хорошо; но не смотрят на это с эгоистической точки зрения, какие они сами выдающиеся существа, потому что созданное ими хорошо, но это хорошее качество созданного они берут с собой для нового созидания, они включают это в свое развитие. Они живут и творят в живом.

Все дело в том, чтобы мы увидели, как мы сами, живыми, поставлены в мир живого. Когда мы это уразумеем, мы не сделаемся, в некотором роде, критиками Богов, например, Элохимов; ибо, тот, кто хотел бы поставить свою мудрость над мудростью Богов, мог бы сказать: да, разве эти Боги, если они хотят быть богами, даже не предвидели, что свет будет хорош? Они даже не пророки, эти Боги. Был бы я Бог, я бы, разумеется, создал свет, лишь зная наперед, каков свет, а не убеждаясь впоследствии, что свет хорош.

Но это человеческая мудрость, поставленная выше божественной мудрости. В известном смысле и третий учитель предвидел, что будет, но он это предвидел в живом смысле, отдавая себя, я бы сказал, гению действия, гению развития, говоря себе: приобщая себе то, что мне дало изучение характеров в прошлом году, не пережевывая ошибок, которые я по необходимости делал по той простой причине, что я давал то, что было во мне, и тщательно работая, не критикуя то, что вставало передо мной, как мое собственное прошлое, я увеличил мои способности и, кроме того, обострил мой взгляд по отношению

к моим новым ученикам. — И он увидел, что два первые учителя рассматривали учеников лишь сквозь прошлогодние очки, и что они не смогли правильно оценить то, что сделали раньше. И он мог сказать: да, совершенно верно, я считаю, что через месяц задам ученикам ту работу, которую нужно, и я могу положиться на это мое пророчество, что я задам то, что нужно. — Другие были лучшими пророками. Они могли сказать: я, наверное, дам ту классную работу, которую я записал себе. — Но это предвидение фактов, а не предвидение хода свободных сил.

Это различие надо запомнить, мои милые друзья. Предсказание, как таковое, не невозможно. Но предсказание того, что происходит в единичном, когда в это единичное вплетено существо, которое должно действовать из самого себя, подобное предсказание возможно лишь тогда, когда смотрят только на те явления, которые Люцифер и Ариман переносят из настоящего в будущее.

Постепенно мы подходим ближе к важному вопросу, занимающему нас именно в этих лекциях о свободе и необходимости. Но именно при этом вопросе, так глубоко захватывающем все мировое и человеческое свершение, не следует упускать из виду всех трудностей. Надо, например, ясно понимать, что, рассматривая произошедшее событие, в котором мы сами принимали участие, мы смотрим на него, как на необходимость; и с той минуты, что мы знаем все его условия, мы смотрим на него как на необходимость. В этом нет сомнения — мы смотрим на то, что произошло, как на необходимость. Но мы должны также поставить себе вопрос: можно ли всегда, как это очень часто бывает, находить причины последующего в непосредственно предшествующем? В известном смысле так должно поступать естествоведение, видящее причину события в том, что ему непосредственно предшествует по времени. Когда я ставлю опыт, я должен, разумеется, сознавать, что причина последующего лежит в предшествующем. Но это, безусловно, не значимо для всего мирового свершения. Ибо, во-первых, можно легко ошибиться насчет соотношения причины и следствия, отыскивая его по линии позднейшего и более раннего. Я хочу пояснить это примером. Рассматривая действительность внешними чувствами, мы можем сказать: конечно, раз одно так-то, другое будет так-то. Но, распространяя это на все свершающееся, мы очень легко приходим к ошибке, которую я и хочу пояснить примером. Возьмем, ради простоты, человека, правящего лошадью. Перед нами лошадь, за ней — экипаж, а в нем — седок. Естественно сказать: везет лошадь, человека везут. Человек едет туда, куда везет его лошадь. Это ведь ясно. Итак, везущая лошадь причина; везомый человек — следствие. Но ведь вы все знаете, что это не так: что человек в экипаже правит лошадью по своему усмотрению. И хотя везет его лошадь, но она везет его туда, куда он хочет.

Так случается часто, когда мы чисто внешне судим о событиях физического

плана. Возьмем еще раз прежний гипотетический пример: вследствие опоздания кучера целая компания попадает под горный обвал и погибает. Прослеживая причины на физическом плане, можно сказать: “сперва случилось это, затем то и то; и таким образом мы дойдем до чего-нибудь”. Но в этом случае можно действительно сделать ту же ошибку, как если мы скажем: лошадь везет возницу, куда она хочет, и не учтем, что возница управляет по своей воле лошадей. Можно впасть в эту ошибку по той причине, что руководящее начало, может быть, находится в этом случае в духовном мире; а, следя лишь за событиями на физическом плане, приходишь к суждениям в стиле того, что лошадь везет по своей прихоти седока. Но, прозревая тайные силы, руководящие всем происшествием, мы видим, что все шло к одному, и что опоздание кучера входило во всю совокупность условий. Необходимо все, но не в том смысле, как полагают, следя лишь за событиями на физическом плане.

Если мы будем постоянно искать причину в непосредственно предшествующем, может случиться следующее. Двое людей встречаются. Следуя методу правильному в естествознании, мы должны исследовать, где данные два лица были до того, что они встретились, как они отправились навстречу друг другу. Хорошо, мы и проследим некоторое время, как одно тянет за собой другое, пока не происходит встреча. А другой, не заботясь обо всем этом, случайно узнает, что эти два лица за 5 дней до того сговорились встретиться. И он скажет: они встретились потому, что так было условлено.

Здесь вы видите, что причина далеко не всегда в непосредственно предшествующем, и что если мы оборвем искомую причинную нить до соответствующего настоящего звена, мы его вообще не отыщем; ибо цепь причин мы можем проследить всегда лишь до известного звена. То же относится и к природе, в особенности к явлениям, в которые вплетен человек, и тут мы не можем идти далее известного звена. Когда же мы все гонимся за предшествующим и еще за предшествующим и думаем дойти до причины, мы, конечно, предаемся иллюзии.

Вы должны пронизать это, мои милые друзья, тем, что вам уже дало духоведение. Предположите, что человек совершает некий поступок на физическом плане. Тот, кто ограничивает свои наблюдения лишь физическим планом, примет во внимание предыдущий образ действия данного человека. Идя дальше, он посмотрит на его воспитание, быть может, на модную теперь наследственность. Но допустите, что на данный поступок физического плана повлияло нечто из жизни, которую данное лицо провело между последнею смертью и новым рождением. Тогда это означает, что мы обрываем линию причин у рождения. Тут встречается нечто подобное примеру условленной встречи: ибо то, что я сейчас делаю, может быть за столетия predeterminedено в жизни, протекшей между последней смертью и нынешним рождением. И то, что пережито тогда, втекает в то, что я теперь делаю и предпринимаю.

Таким образом, силой вещей, если мы не проникнем в духовные миры, мы вообще не можем найти причинности для человеческих поступков здесь, на физическом плане, и поэтому отыскивание причин для них в том же смысле, как для внешних природных явлений, может быть в корне ошибочно.

И, тем не менее, мои милые друзья, приглядываясь пристальнее к тому, как человеческие поступки вплетены в мировое свершение, можно прийти к известному удовлетворительному взгляду и на то, что называется свободой, относительно того, что есть необходимость. А отыскивание причин вообще ограничено, может быть, тем, что на физическом плане невозможно проникнуть до той области, где лежит причинность.

Но теперь надо принять во внимание еще что-то другое. Видите ли, “свобода”, “необходимость” — это два понятия, которые чрезвычайно трудно понять и еще труднее связать между собой. Не даром усилия философов потерпели фиаско большею частью именно в вопросе свободы и необходимости. Люди не достаточно отдавали себе отчет в трудности вопроса. Поэтому-то я так и стараюсь выдвинуть в этих лекциях именно трудность вопроса.

Смотря на человеческие деяния, мы повсюду видим сперва нить необходимости. Ибо и это было бы предрассудком — выставлять всякое отдельное человеческое деяние, как продукт свободы. Я снова обращусь за пояснением к примеру. Предположим, что кто-нибудь вырастает в определенных условиях, которые складываются таким образом, что делают из него сельского почтальона, разносящего каждый день с утра почту по деревням. Я думаю, вы все согласитесь, что можно усмотреть известную необходимость в течение этих фактов: исследовав все то, что случилось в детстве данного человека, собрав все события, влиявшие на его жизнь, мы придем к заключению, что все содействовало тому, чтобы сделать из него сельского почтальона, и поэтому, как только освободилось место, он по необходимости занял его. А далее свобода совсем кончается. Ибо он, разумеется, не может менять адреса разносимых им писем; в силу внешней необходимости он направляется к той или другой двери. Следовательно, мы усматриваем во всем, что он делает, очень много необходимости.

Но допустим теперь другое: некоему юному человеку — я беру нарочно юного, чтобы вы не делали ему горьких упреков в лени — приходит в голову каждый день повсюду сопровождать почтальона. И он это приводит в исполнение. Каждый день он встает, присоединяется к почтальону, проделывает все то же, что он, и снова возвращается; и так в течение некоторого времени. Нет сомнения, мои милые друзья, что у последнего мы не можем в том же смысле говорить о необходимости, как у первого. Ибо все то, что делает первый человек, должно по необходимости происходить, а у второго эта необходимость совершенно отсутствует. Он мог бы совсем не приходиться, и происходило бы буквально то же самое в известной объективной

связи. Ведь это же ясно, не так ли? Так что мы можем сказать: первый делает все из необходимости, второй — из свободы. Это можно вполне сказать. И, однако — в известном смысле оба делают то же самое. Можно даже представить себе следующее: когда-нибудь наступит утро, когда второму человеку не захочется встать; он волен ведь не пойти и все-таки идет по привычке. Свободное действие он делает с известной необходимостью. Тут буквально сливаются свобода и необходимость.

Да, мои милые друзья, изучая, каким образом тот второй человек, о котором я говорил вам на открытой лекции, живет в нас, как живет в нас собственно душевное, которое таковым пройдет через врата смерти, мы видим, что, в сущности, это душевное, живущее в нас, можно сравнить с попутчиком внешнего, проходящего через физический мир человека. — Правда, это ужасно звучит для обыкновенного материалистического мониста. Но ведь мы знаем, что такой материалистический монист стоит на точке зрения: “вы прямо ужасающие дуалисты, если считаете, что вода состоит из водорода и кислорода. Все должно быть однородно. Посему бессмысленно говорить, что монос: “вода” состоит из водорода и кислорода”. Не надо только, чтобы этот монизм ввел нас в заблуждение. Дело в том, что действительно то, чем мы являемся в жизни, образуется с двух различных сторон, и то, что так встречается с двух различных сторон, можно сравнить с соединением водорода и кислорода в воде. Ибо то, что составляет наше внешнее физическое, продолжается далее по линии наследственности и продолжается далее не только с физическими свойствами, но и со всем тем, что социальные условия вносят в линию наследственности. Мы ведь имеем не только определенную фигуру, нос, цвет волос и т.д. от родителей, но условия жизни наших предков определяют и наше внешнее социальное положение. Итак, то, что относится к физическому плану, — не только форма нашего физического тела, сила наших мускулов и т.д., но и наши жизненные условия, все, что принадлежит физическому плану — все это стремится далее по линии наследственности, от поколения к поколению. К этому действительно присоединяется с другой стороны то, что приходит как наше индивидуальное существо из духовного мира, которое вначале не имеет ничего общего со всеми силами наследственного потока поколений и которое духовно связывает причины, которые могут быть заложены в нас столетия назад, с причинами, лежащими в линии наследственности. Сходятся два существа. И мы можем правильно судить об этом лишь тогда, когда мы рассматриваем это второе существо, приходящее из духовного мира и соединяющееся с физическим, действительно как род попутчика первого. Потому-то я и выбрал пример попутчика почтальона. Так и наша душа в известном смысле участвует во внешних событиях.

Второй человек, сопровождавший почтальона, делал это добровольно. Этого нельзя отрицать, неправда ли? Можно, конечно, искать причины, но причины

эти, в сравнении с необходимостью, которой подчинен первый почтальон, лежат в области свободы; все это он проделал добровольно. Но одно — я бы сказал — с необходимостью вытекает из этой свободы. Вы не станете отрицать, что второй человек, после того, что он сопровождал первого в течение некоторого времени, стал, без сомнения, хорошим почтальоном, даже лучше первого, потому что он будет избегать известных ошибок. Но если бы первый не делал этих ошибок, то второй не дошел бы до них. Вообще, нельзя себе представить, что полезно для второго размышлять над ошибками первого. Именно если он не будет размышлять над ними, а будет принимать во всем живое участие, рассматривая происходящее в целом, оно живо перейдет в него, и он само собой не будет делать ошибок.

Так же обстоит дело и с тем, что в нас, и что нас сопровождает. Если оно может подняться до убеждения, что было необходимо сопровождать и что благодаря этому в будущем наше душевное кое чему научится — тогда мы смотрим на вещи правильно; но выучка должна быть действительно живая. Даже в одном воплощении можно установить то, о чем здесь говорится. Можно сравнить трех людей. Один получает в известный момент жизни стремление к самопознанию. Он обращает внимание, он радуется на то, что ему всегда удавалось. И он старается и в дальнейшем продолжать то, что ему удавалось. В известном отношении ему будет многое удаваться, не так ли?

Второй скорее ипохондрик, более видит свои ошибки. Если он вообще может выйти из своей ипохондрии, подняться над своими ошибками, тогда он станет их избегать. Но он не достигнет того, чего достигнет третий, который говорит себе: то, что случилось, было необходимо; но одновременно тем самым мы и учимся. Но это поучение предметное, а не путем бесплодной критики. Он теперь живым образом не будет продолжать то, что уже было, не будет просто переносить прошлое в будущее, но он усилит, укрепит своего попутчика и в живом виде перенесет это в будущее, — не будет повторять хорошего и избегать дурного в себе, не включив их в себя и оставив их там, где они стояли, усилит и укрепит себя.

И это будет лучшим усилением именно душевного: оставить в покое уже случившееся и живым образом перенести его в будущее. Иначе всегда возвращаешься люциферически-ариманически к своему прошлому. Прогресс в развитии возможен лишь тогда, когда мы правильным образом беремся за необходимое. Почему? Разве существует в этой области правильное? И тут я хочу под конец привести вам пример, который я прошу до будущего вторника немного выносить в душе. Основываясь на этом примере, мы тогда немного далее подвинемся в этом вопросе.

Представьте себе, вы хотите видеть внешний предмет. Вы его ни в коем случае не увидите, если поставите между ним и собой зеркало. Вы тогда увидите лишь свой глаз. Если вы хотите увидеть предмет, вы не можете увидеть собственного глаза, а если хотите видеть свой глаз, то не увидите

предмета.

Благодаря замечательному сцеплению сущностей в мире дело обстоит так относительно человеческих поступков и человеческого познания: все то, что мы познаем, мы известным образом познаем через зеркало. Познавать — значит всегда познавать в отражении. Когда мы хотим рассматривать совершенные нами действия, мы всегда, в сущности, ставим зеркало между этими действиями и нами. Но если мы хотим действовать, если мы хотим иметь непосредственное отношение к нашим действиям, к миру вообще, тогда мы не должны держать зеркала; тогда мы должны отказаться рассматривать то, что отражается нам в зеркале. Так же обстоит дело и с нашими прошедшими действиями. Когда мы их рассматриваем, мы ставим перед ними зеркало и тогда мы можем их хорошо разглядеть. Мы можем долго и внимательно разглядывать их в зеркале. Для известных целей это будет очень хорошо. Но если мы не в состоянии отнять зеркала, то все познание нам не поможет. Ибо в ту минуту, когда мы отнимаем зеркало, мы не видим более своего собственного; но тогда лишь оно может войти в нас, соединиться в нами.

И так мы должны поступать с саморассмотрением. Мы должны ясно сознавать, что этот взгляд назад должен служить лишь предпосылкой, чтобы увиденное ожило в нас. Но для этого мы не должны продолжать смотреть; ибо иначе останется стоять зеркало. Саморассмотрение совершенно подобно смотрению в зеркало. Мы только тогда идем вперед в жизни, когда мы плоды нашего самопознания переносим в наше воление.

Я прошу вас, мои милые друзья, воспринять в душу это сравнение, состоящее, следовательно, в том, что свой собственный глаз можно видеть только отказавшись видеть другое, а видеть другое можно только, если не видеть собственного глаза. И на основе этого сравнения мы поговорим затем о правильном и о неправильном саморассмотрении и все более приблизимся к разрешению наших вопросов. В этом, я бы сказал, труднейшем вопросе человечества, в вопросе о свободе и необходимости, о сплетении человеческих поступков и мирового свершения, необходимо иметь перед глазами все трудности. И тот, кто думает прийти к решению, не рассмотрев всех трудностей, тот ошибается.

Четвертая Лекция

Берлин, 1 февраля 1916 г.

Мои милые друзья!

Мы слишком привыкли подходить к таким великим вопросам, как, например, вопрос о необходимости и свободе, занимающий нас теперь таким образом, что мы хотим многое, многое охватить зараз — как бы в мгновение ока — простыми понятиями, возможно более простыми понятиями. Мы по большей части не учитываем, что при подобных вопросах необходимо принимать во внимание сложность соотношений в мире, необходимо помнить, что то, что происходит в одном углу мира, требует для своего понимания совсем другого освещения, чем совершенно подобное явление, разыгрывающееся в другом углу. Прежде всего я хочу еще раз напомнить то, о чем я совсем недавно упоминал здесь в другой связи.

Я сказал: когда происходят в мире такие значительные события, как нынешние, мы слишком склонны поспешно искать причины в самом ближайшем и так же поспешно ожидать следствий в ближайшее наступающее время. Но, поступая так, мы насилуем факты. Я тогда же обратил внимание на то, что однажды, в начале средневековья, римский мир противостоял миру теперешней средней Европы. Можно, конечно (я сказал бы), с легким сердцем произнести историческое суждение: вследствие определенных политических мотивов, коренящихся в древнем Риме, римляне оказались вынужденными предпринять походы на север — по отношению к ним, — в нынешнюю Среднюю Европу. И следствия мы должны искать в том, что потом из этого получилось.

Но такое рассмотрение, мои милые друзья, далеко не исчерпывает дела. Подумайте только: если бы тогда что-нибудь произошло не так, что-нибудь изменилось в продвижении народностей с востока на запад, в Европу, в столкновении римлян с германцами и все последующее развитие Средней Европы вплоть до нового времени получило бы другой облик. Все знакомые подробности событий в течение столетий протекли бы иначе, если бы тогда та народная масса, представляемая древними римлянами, которая не могла вполне проникнуться христианством именно вследствие своего всемирно-исторического качества, своих свойств — если бы этот мир не слился с исторически юными народами, которые с юною силою восприняли христианство. И из характера столкновения такого духовно перезрелого народа, как римляне, с таким исторически молодым народом, как германцы, произошло все то, что возникло впоследствии — вплоть до Фауста Гете и всего, что дала культура XIX века. Разыгрались ли бы события так, как они разыгрались, если бы тогда этого не случилось?

Мы видим тут течение, исполненное внутренней закономерной необходимости, протекающее в мировом свершении и простирающееся на далекие, далекие области. Как мог бы тогда кто-нибудь пожелать привести свои поступки — хотелось бы сказать — в соответствие с тем, что с тех пор и до сегодняшнего дня произошло в течение столетий на физическом плане? То,

что случается ныне, является опять-таки исходным пунктом мировых образований, которые по необходимости будут связаны с тем, что происходит теперь, но которые будут очень несходны, поскольку дело идет о событиях на физическом плане, с тем, что разыгрывается в тесном промежутке времени.

Я упоминаю об этом, мои милые друзья, лишь по той причине, чтобы вы видели, как глубоко обосновано то, о чем я уже упоминал в связи именно с этими рассматриваниями: что недалеко уйдешь, раздумывая, ломая себе голову насчет соотношений в мире. Подумайте, к чему бы пришел римлянин или германец 3-го или 4-го века по Р.Х., если бы задался мысленными хитросплетениями по поводу происходивших тогда боев! Далеко бы он не ушел. Необходимо осознавать, что то, что должно случиться и что мы должны познать в его должествовании, определяется не подобными размышлениями о возможных последствиях или о непосредственных результатах, а чем-то совершенно иным, что в течение событий физического плана вливается то, что мы ощущаем, как нисходящее из духовных миров: импульсы, для осуществления которых в отдельности не требуется наших глубокомысленных размышлений о том, что должно произойти на физическом плане. Надо ясно понимать, что как раз устремляя свой взгляд на человеческие события, мы чувствуем необходимость расширить наш способ рассмотрения за пределы физического плана. А теперь лишь коснувшись этой необходимости, мы снова займемся человеком как таковым.

Уже последний раз я обратил внимание на то, что нельзя получить правильного отношения к своим собственным поступкам в прошлом, если постоянно раздумывать над ними. Надо понять, что то, что прошло, в том числе и собственные поступки, принадлежит к области необходимого, и надо приучаться к мысли, что то, что случилось, должно было случиться. Это значит: правильное отношение к своим поступкам можно получить тогда, когда достигается объективность в отношении своих прошлых действий, когда удается с той же объективностью рассматривать свой удавшийся поступок, как и не удавшийся.

Вы, конечно, будете иметь всякие возражения против того, что я сейчас сказал. Вы возразите: но что же станет тогда с раскаянием в совершенном поступке, играющем такую большую роль в человеческой жизни? И, разумеется, совершенно прав тот, кто говорит: раскаяние необходимо, раскаяние должно быть. И если бы каким-либо образом раскаяние было выключено из развития человеческой души, был бы выключен моральный импульс величайшей ценности. Но разве мы его не выключаем тем самым, что мы попросту объективно рассматриваем, действительно объективно рассматриваем все то, что произошло?

Здесь, мои милые друзья, действительно имеется новое затруднение, чреватое многими недоразумениями. Мы должны стать — я сказал бы — в центр проблемы свободы, чтобы убрать с дороги это затруднение. Видите ли,

великий Спиноза сказал: “В сущности, в мире можно говорить лишь о необходимости. Свобода, в сущности — род иллюзии. Ибо когда шар получил толчок, он по необходимости катится своей дорогой. Будь у него сознание, он думал бы, что следует своей дороге добровольно” (я упоминаю об этой мысли Спинозы в моей “Философии свободы”). “И вот причина, почему человек, сознающий то, что происходит, считает себя свободным, хотя он и вплетен в необходимость”. И все-таки Спиноза в корне ошибается. Дело обстоит совершенно иначе. Если бы человек действительно летел куда-нибудь, как шар, следующий лишь необходимости толчка, он должен был бы потерять сознание касательно всего этого движения, в котором он следует лишь необходимости. Сознание должно бы было выключиться. И так оно и есть. Подумайте лишь, с какой скоростью, по данным астрономии, мы несемся в мировом пространстве. И мы этого, наверное, не сознаем. Сознание выключается. При всем желании вам не удалось бы его включить и наблюдать, как мы несемся в пространстве, как учит астрономия. Таким образом, сознание человека выключается там, где он действует по необходимости, и при таких грубых вещах, как наше движение в пространстве, мы это очень скоро замечаем. Но вещи сознаются не всегда так грубо, они более или менее не сознаются. Границы в действительной жизни резко соприкасаются. На пограничных линиях дело не поддается такому прямолинейному объяснению, как только что приведенное. Скорее можно сказать: во всем том, что мы действительно, безусловно сознаем, мы можем действовать лишь свободно. И если бы толкаемый мной шар имел действительное сознание, то он лишь тогда покатился бы в известном направлении, если бы он принял данный мной импульс в свое познание и в согласии с ним сам начертал бы себе путь. Следуя одному лишь импульсу, шар должен сперва выключить сознание.

Когда вы это обдумаете, вы будете делать различие, которого, к сожалению, в отношении поступков не делают в жизни вообще. Ибо то, что его не делают, имеет не только теоретическое, но и глубоко практическое значение. А именно в жизни не делают различия между неудавшимися вещами и плохими, безнравственными. А это различие очень значительное, исключительно важное. В отношении неудавшегося поступка, не совпадающего с намерениями, безусловно верно, что мы лишь тогда можем правильно судить о нем, когда мы можем так объективно смотреть на него, как будто он был абсолютно необходим. Ибо он, тотчас после его совершения, попадает в царство абсолютной необходимости. Если нам что-нибудь не удалось и это возбуждает в нас неудовольствие, то, безусловно, можно утверждать, что это неудовольствие происходит из эгоизма: мы хотели или хотим быть собственно лучшим человеком, который бы эту вещь лучше сделал. В этом именно и сидит эгоизм. И пока этот эгоизм не вырван с корнем, до тех пор для дальнейшего развития нашей души переживание не может

иметь того большого значения, какое оно должно бы иметь.

Но, мои милые друзья, бывают не только неудавшиеся поступки, но плохие поступки, безнравственные поступки. Но рассмотрим морально плохие поступки, например, следующий, чтобы сразу иметь нечто очень выпуклое. Кто-нибудь крадет из-за голода или по другой причине. Кража — плохой поступок, не так ли? Исключает ли то, что мы сказали, раскаяние у вора? По той простой причине, что, в сущности, тот, кто украл, совсем не хотел красть, а хотел обладать тем, что он украл. Он бы преспокойно перестал красть, если бы вы ему подарили желаемое, или он бы раздобыл его другим путем, чем через кражу.

Это яркий случай. Но это относится известным образом ко всякому плохому поступку. Плохого поступка самого по себе, такого, как он есть, никто, в сущности, не хочет; и язык имеет на это тонкое чутье: когда плохой поступок совершен, то “шевелится совесть”. Почему шевелится совесть? Потому что лишь теперь плохой поступок подает о себе весть сознанию. Во время самого свершения в сознании было другое, из-за чего и был совершен плохой поступок. Плохой поступок не зависит от воли; а раскаяние имеет тот смысл, что оно уясняет данному лицу, как замутилось его сознание в момент плохого поступка. Мы всегда должны так говорить: при совершении плохого поступка осознание этого поступка мутится, ослабляется и нужно прояснить сознание в таких случаях. Всякое наказание имеет лишь тот смысл, чтобы пробудить в душе силы, распространяющие сознание и на такие случаи, на которые оно раньше не распространялось. Среди университетских диссертаций, исходящих от философов, занимающихся одновременно и юридическими проблемами, особенно часто встречается диссертация “о праве наказания”. О мотивах наказания было выставлено много, много теорий. Единственно допустимую можно найти, лишь зная, что при наказании дело сводится к тому, чтобы так напрячь силы души, чтобы сознание распространилось на более широкие круги.

В этом же задача и раскаяние. Раскаяние должно состоять именно в том, чтобы силой своей поднять поступок до сознания и так прояснить все соотношения в сознании, чтобы оно следующий раз не могло более выключиться. Вы видите, в чем тут дело. Надо учиться точно различать в жизни, если хочешь что-либо понять; различать между вполне сознательным действием и действием при пониженном сознании.

Если же имеется не хороший или плохой, а просто неудавшийся поступок — при чем не удалось что-нибудь, что мы имели в виду, — тогда мы можем именно замутить наш взгляд на поступок, если мы в наше суждение вмешиваем мысль, чувство: не случилось ли бы иначе, если бы мы то или это сделали лучше, или если бы мы сами были иные и т.д.? Тут приходится действительно помнить, что глаз не может одновременно видеть предмет и самого себя; он не может держать перед собой зеркало. Ибо в ту минуту,

когда глаз ставит перед собой зеркало, чтобы видеть себя, он не может видеть предмета. Как только человек начинает размышлять, что то, что он сделал, следовало сделать иначе, это действие не может влиять на него с той силой, которая двигает вперед его душевное развитие. Ибо в ту минуту, когда ставят между собой и своим поступком эгоизм, лежащий в желании изменить свой поступок, делают буквально то же самое, как когда держать перед глазами зеркало, так что глаз не может видеть предмета. Можно и иначе повернуть сравнение. Вы знаете, бывают так называемые астигматические глаза, в которых кривизна роговой оболочки в вертикальном и поперечном направлении различна. Такие глаза страдают своеобразной неточностью зрения. Видит призраки, проистекающие лишь от неправильной кривизны роговой оболочки. Это зависит от того, что воспринимают свой глаз, потому что он, вследствие неправильности своей структуры, не может вполне выключить себя и давать воздействовать на себя только предмету, тогда нельзя воспринимать последнего. Наполняя свою душу мыслью: "Ты мог бы быть другим, то или иное ты мог сделать иначе, тогда тебе эта вещь удалась бы", мы уподобляемся астигматическому глазу: мы не видим истинного положения вещей, мы себя морочим. Но нужно видеть истинные факты, выпадающие на долю каждому: тогда они и действуют реально; как внешний предмет действует на здоровый глаз, так и они действуют на душу, не наполненную ощущением фактов, а дающую фактам влиять на себя. Тогда они продолжают и далее влиять в душе.

Можно сказать: тот, кто еще не нашел объективности относительно фактов, которые его касались, не может видеть их в их объективности и не получит поэтому от них того, что он должен получить для своей души. Это было бы подобно тому, как если бы наши глаза остановились на шестом, седьмом месяце своего эмбрионального развития: если бы глаза задержались в своем развитии, а мы сами родились бы вовремя, тогда мы видели бы превратно весь мир, видели бы нечто совсем другое, чем то, что мы видим в действительности; глаза не могли бы себя выключить. И совершенное нами лишь тогда правильно оценивается нами, когда мы дошли до того, что можем включить его в поток необходимости, смотреть на него, как на необходимость. Но, как сказано, мы должны ясно различать между тем, что удалось или не удалось, и тем, что в нравственном отношении хорошо или дурно.

В сущности, вы найдете все эти рассуждения, только в более философской форме, в моей "Философии свободы"; ибо там прямо излагается, что человек делается свободным, когда он добивается возможности получать импульсы из духовного мира. В одном месте даже прямо говорится, что свободные импульсы идут из духовного мира. Но это не исключает того, мои милые друзья, что человек именно тогда действует известным образом всего свободнее в отношении некоторых событий, когда он особенно следует необходимости. Ибо надо различать между чисто внешней физической

необходимостью и духовной необходимостью, хотя обе, в сущности, приблизительно одно и то же. Но они различаются — хотелось бы сказать — относительно того слоя мирового бытия, в котором они находятся. Посмотрите, например, на такую фигуру, как Гете, вступающую в мировую историю; про него можно сказать: ну, да, мы можем проследить воспитание такого человека, как Гете; можем видеть, как он сделался тем, кем он сделался, можем проследить импульсы, поведшие к Фаусту и другим творениям; мы можем, в некотором роде, смотреть на все, что сделал Гете, как на результаты его воспитания. И перед нами будет стоять гений Гете. Конечно, это возможно. Тогда мы целиком остаемся в Гете. Но можно подойти и иначе. Можно проследить духовное развитие в XVIII в. Возьмите в частности, то, например, что Лессинг проектировал Фауста еще до Гете. И можно сказать: мысль о Фаусте возникла из духовных проблем эпохи, из духовных импульсов. Рассматривая Фауста Лессинга (тогда создавалась масса таких книг о Фаусте), можно сказать, что все вело к Фаусту. Можно как бы выключить Гете и все-таки прийти к Фаусту, как к необходимости. Фауст возник из прежнего. Можно, следовательно, проследить развитие Гете и прийти к его Фаусту. Можно отстранить Гете и обращать более внимания на ход развития. Но можно и совсем его выключить, можно последовательно проследить, как в Европе появляется такой род поэзии, как Нибелунги, как он уплотняется до эпопеи Парсифаля, как Парсифаль представляется стремящимся вперед человеком определенного периода развития, как потом наступает другая эпоха развития, совершенно предающая забвению идею Парсифаля, как распространяется та своеобразная идея, которая нашла свое выражение в народной книге о Фаусте и которая затем вызывает появление Фауста-Парсифаля — хотелось бы сказать — позднейшей эпохи. Можно совсем выпустить Гете. Определенная эпоха... Конечно, не следует быть педантичным, 50 лет ничего не значат. Время эластично, оно может растягиваться вперед и назад. Время играет такую строго определенную роль лишь в ариманических вещах, происходящих в мире; то, что исходит от добрых Богов, безусловно допускает передвижение во времени вперед и назад. Но в общем можно сказать: если бы Франкфуртский советник Каспар Гете не имел бы сына Вольфганга, или если бы сын Вольфганг, который, как вы знаете и без того, родился совсем посиневшим и еле живым, умер бы тотчас после рождения, — несомненно Фауст был бы все-таки написан кем-либо другим. А если бы Гете жил в XIV в., он, наверное, не написал бы Фауста. Это хотя нереальные мысли, но их нужно иногда возбуждать в душе, чтобы понимать то, что реально.

Теперь можно поставить вопрос: создал ли Гете Фауста или вообще свои творения свободно, или тут есть безусловная необходимость? Величайшая свобода, мои милые друзья, существует там, где творится всемирно-историческая необходимость. Ибо тот, кто считает, что свободе когда-либо

может угрожать опасность от того, что существует в мире как необходимость, тот должен сразу сказать: “Я хочу создать поэтическое произведение, но хочу создать его совершенно свободно. Я оставлю, следовательно, без внимания всех других писателей, которые были несвободны: я хочу творить свободно. Но я не могу быть свободен, пользуясь словами языка, потому что они обусловлены древней необходимостью. Это никуда не годится. Я хочу быть истинным героем свободы и создам, поэтому свой собственный язык!” И он начнет создавать его. Разумеется, он добьется только того, что весь мир оттолкнет его вместе с его творением на еще несуществующем языке, что он со своей свободой вызовет силу сопротивления всего мира, которая выразится прежде всего в непонимании. Вы видите из этого, что и речи быть не может о том, что свобода, входя в поток событий, может чувствовать себя как бы то ни было стесненной необходимостью, существующей в непрерывном потоке мирового свершения.

Можно себе представить и живописца, который пожелает полнейшей свободы и скажет: “Писать я хочу; но я не хочу писать на полотне или вообще на поверхности, я хочу писать свободно. Я не буду писать по данному мне грунту. Ибо тогда я буду принужден всюду следовать за поверхностью этого грунта”. Этот грунт имеет совершенно определенную закономерность, неправда ли? Но это не значит, что, следуя ей, стесняют свою свободу.

Именно в великих мировых событиях чрезвычайно ясно выступает, что то, что можно назвать необходимостью, непосредственно соединяется со свободой, когда действует сознание, непременно при условии сознания. Я говорил уже: Гете в XIV в. не мог бы написать Фауста, это абсолютная невозможность. Почему? Потому что существует нечто, мои милые друзья, что можно определить как пустоту в мировом свершении относительно некоторых импульсов развития. Как вы не можете налить воды в полную бочку, или как вы можете налить лишь известное количество воды в частично уже наполненную водой бочку, так вы не можете по произволу влить нечто в уже заполненное время. XIV век являл собой для того, что в Фаусте излилось через человека из духовного мира в физический, не пустоту, а наполненность. События протекают циклами. И когда цикл завершился, наступает пустота для новых импульсов, которые могут вступить тогда в мировое свершение. Сперва должно завершиться содержание цикла и должна снова наступить пустота в отношении этого цикла; тогда в пустоту могут вступить новые импульсы. Относительно импульсов, притекших через Гете из духовного мира в физический, наступила пустота внутри того культурного развития, к которому принадлежал Гете. И развитие действительно протекает волнообразно: пустота — высшая наполненность, — отлив и снова пустота. Тогда может прийти новое.

И человек, находящийся между смертью и новым рождением, сообразует свое воплощение так, чтобы найти в физическом мире ту степень пустоты или

заполненности, которая соответствует его импульсам. Тот, кто из своих прежних воплощений приносит такие импульсы, которые могут действовать как импульсы первостепенной силы, и должны, следовательно, попасть в пустоту, должны появиться в такое время, когда в мире пустота. Кто еще должен получить импульсы от мира, должен воплотиться в такое время, когда он может найти заполнение для своей пустоты. Разумеется, различнейшие течения перекрещиваются. Мы видим из этого, что в известном отношении мы выбираем — если можно употребить это слово — то время, когда мы спускаемся в мир, соответственно нашим внутренним качествам. И с этим соотносится внутренняя необходимость, с какой мы действуем.

И если вы не будете терять этого из виду, то исчезнет противоречие, если вы будете наблюдать последовательность событий во времени и говорить себе: Парсифаль и т.д., Фауст, это все так продолжается..., а затем приходит Гете и в нем самом возникает то, что может быть так же хорошо понято в последовательном потоке времен. Вы не почувствуете более противоречия, ибо Гете взирал свысока и там, в вышине, подготовлял в своем внутреннем то, что потом могло внешне воплотиться в произведении. Таким образом, когда он появился на физическом плане, он мог излить из своего внутреннего то, что он воспринял в предшествующие столетия, в которых протекал непрерывный поток событий. Эти два утверждения: “произведения Гете должны были быть созданы в определенное время” и “Гете их создал свободно” так же мало противоречат друг другу, как если бы я имел здесь ряд шариков на доске, переложил бы их в стакан и снова вынул оттуда. Один может сказать: эти шарики те же, что лежали здесь раньше. Нет, скажет другой, эти шарики лежали в стакане, они взяты оттуда. Оба утверждения не исключают друг друга.

То, что протекло во времени, что под конец привело к Фаусту, это самое жило в душе Гете и исходит из души Гете, потому что накопилось в ней из наблюдений в духовном мире. Ибо мы всегда принимаем участие во всем мировом развитии. Рассматривая это таким образом, мы скажем себе: взирая на прошедшее, мы должны видеть в нем необходимость. И смотря на себя и снова воспроизведя в настоящем прошедшее, если мы только делаем это сознательно, мы, тем не менее, свободным образом переносим в настоящее то, что необходимо подготовлялось в прошлом. И самым свободным будет тот, кто дойдет до полного сознания: все, что я делаю, не что иное, как то, что духовно необходимо. Вещи не поддаются такой — я сказал бы — педантической логике, но открываются лишь при живом понимании действительности.

Мы еще другим способом, мои милые друзья, можем прийти к пониманию этой вещи. Мы можем сказать себе: посмотрим, например, на животных. У них сознание понижено. Мы часто излагали, что сознание у них понижено. Человек же имеет степень сознания, обуславливающую возможность свободы. Каково же сознание ангелов, существ, стоящих непосредственно над

человеком? Очень трудно сразу постигнуть сознание ангелов. Когда человек делает что-либо, он соображает, каково должно быть то, что он хочет сделать. И если на физическом плане наступает не то, что представляли себе, то это считается неудачей. Неправда ли, если кто-либо, скажем, сшивает два куса материи, и они потом расползутся по шву, то это будет неудачей. Со швейной машиной это может случиться. И это будет неудачей. Итак, когда не наступает то, что мы заранее представляли себе на физическом плане, мы говорим: дело не выгорело. Это значит, что мы свою волю направляем на то, что мы в образе рисуем себе, как оно должно быть на физическом плане. Так происходит воление в человеке. Не так это у ангелов. У ангелов все в намерении. И намерение ангелов может осуществиться самым различным образом — а эффект будет тот же, совершенно тот же. Это верно, хотя и идет наперекор обычной логике. Лишь в художественном, но, подойдя к художественному со стороны человеческого, можно приблизиться к этому сознанию. Ибо вы всегда найдете, что художник, если он подойдет к вещи по-человечески, он ведь не должен всегда относиться к художественному с человеческой стороны, но в том случае, когда он это делает, порой больше ценит то, что удалось ему навыворот, даже совсем не удалось, чем то, что он исполнил именно согласно замыслу. Тут мы несколько приближаемся к необычайно трудно усваиваемой мысли, что в сознании, в волении ангелов все дело в намерениях, и что эти намерения могут быть реализованы на физическом плане самым различным, даже противоположным образом. Это значит: ангел может иметь в виду нечто совершенно определенное, но не так, что он говорит: на физическом плане это будет выглядеть так-то или так-то. Это он узнает, лишь когда это осуществится. Мы видели, и я обращал на это внимание: даже у Элохимов это имеет место. Элохимы создали свет и увидели, что он хорош. То, что у человека первое: представление того, что существует на физическом плане, — в сознании духовных существ, стоящих над человеком, совсем не первое; у них на первом плане намерение, а как оно выполняется — совсем другой вопрос. Естественно, что человек в этом отношении стоит посередине между ангелом и животным. Поэтому, с одной стороны, он более склоняется к бессознательности животного. Везде, где выступает преступное, оно, по существу, обуславливается животным в человеке. Но, с другой стороны, человек тянется уже и вверх — я сказал бы — к сознанию ангелов. Человек имеет уже в себе возможность развить над обычным сознанием высшее, когда намерения иначе выступают перед его взором, чем при обычном сознании. И тогда можно сказать: предположим, что человек приступает к важным жизненным задачам. Он не может тогда иметь такие намерения, как обычно. Допустим, например, что нам дают на воспитание — но на воспитание в настоящем смысле — ребенка. Средний человек имеет, конечно, свои педагогические принципы. Он знает, когда надо драть и когда не надо, может быть даже, что совсем не надо драть и т.д. Он

знает, как делают то, как делают это и т.д. Но тот, кто рассматривает дело с точки зрения высшего сознания, тот не будет всегда судить таким образом, но предоставит все жизни. Он подождет результата своих наблюдений. Он поставит перед собой лишь одну цель: развить уже заложенные, как ему кажется, свойства. Но этого можно достигнуть различными путями. В этом суть.

И сопоставив все это, мои милые друзья, мы увидим, что для того, чтобы понимать всего человека в отношении необходимости и свободы, надо принимать во внимание внешне физическое в человеке и внутреннее, прежде всего — эфирное. Что касается эфирного тела, то я уже с одной стороны обращал ваше внимание, как эфирное тело в человеке идет совсем другими путями, чем физическое. Физическое тело человека — сказал я вам однажды — сперва бывает молодо; потом оно развивается, делается старше, наконец, старится. Эфирное тело — наоборот. Говоря: “мы старимся” в отношении физического тела, мы должны, в сущности, говорить: “мы молодеем” в отношении эфирного тела. Ибо эфирное тело поистине — если мы хотим применять слова: “старость” и “молодость” — старец при нашем рождении; ибо тогда оно совсем сморщено и так мало, что годится только для нас. Когда же мы достигаем нормального возраста и умираем, это эфирное тело снова настолько помолодело, что мы можем передать его всему миру, и что оно снова молодым может действовать вовне. В то время как физическое тело старится, эфирное все молодеет. Когда же мы умираем не в нормальное время, молодым, и т.д., эфирное тело может получить значение, примеры которого я вам привел. Но не только в отношении, например, молодости или старости надо обращать внимание на различия между физическим и эфирным телами, но и в отношении необходимости и свободы. Видите ли, в то время, когда человек более всего впряжен в необходимость по отношению к тому, что он совершает своим физическим телом, или вообще как существо на физическом плане, его эфирное тело наиболее свободно: тогда оно совершенно предоставлено самому себе. По отношению ко всему тому, что впрягает нас в необходимость, эфирное тело предоставлено самому себе. Когда же эфирное тело бывает впряжено в необходимость, получает свободу то, что человек развивает на физическом плане. Итак, когда физическое тело подчинено необходимости, эфирное тело имеет равную степень свободы, а когда эфирное тело подчинено необходимости, физическое имеет известную свободу. Что это означает?

Возьмем для примера: вы не можете сказать, что вы вполне свободны вставать и ложиться спать, когда вы хотите. Мы встаем утром и ложимся вечером. О свободе тут не может быть и речи. Это связано, неправда ли, с железною жизненною необходимостью. И даже если вы как-либо измените время вставания и укладывания спать, о свободе не может быть речи. Вы также едите каждый день. Вы не можете решиться преодолеть эту

необходимость и идти к свободе таким путем, например, что вы не будете есть, потому что вы ощущаете необходимость еды как принуждение. По отношению ко всем этим вещам человек впряжен в необходимость. Почему он впряжен в необходимость? Потому что его спутник — как я сказал последний раз, — спутник внутри его, сопровождающий его во время жизни на физическом плане, следующий за всем, что связано с физическим планом, что впряжено в необходимость, потому что этот спутник живет пока в свободе. Каким же образом может произойти, что мы отдадимся необходимости во внутреннем, в эфирном теле? Именно тем, что мы сознательно отдадимся тому, что мы познали как необходимость. Так, например, если мы скажем себе: ныне настало время, когда тот, кто созрел для этого, кто может это уразуметь, должен заниматься духоведением. Разумеется, к этому не принуждает никакая внешняя необходимость. Но можно смотреть на это, как на необходимость внутреннюю, потому что это необходимо в настоящем цикле человечества. Надо свободно подчиниться необходимости. Ничто не принуждает внешне на физическом плане. Внутренне надо из свободы следовать до известной степени принуждению! Тогда эфирное тело само создает импульс, пронизывающий его необходимостью; тогда эфирное тело само себе создает необходимость и ставит себя тем самым в возможность свободно развивать то, что имеет отношение к физическому плану. Это значит познать духовную необходимость и сделаться все более и более свободным в жизни на физическом плане.

Вы скажете: следовательно, тем, что мы принимаем духовную необходимость, мы делаемся все свободнее в жизни на физическом плане. Так, фактически, оно и есть. Связывая себя с течением духовного в мире, пронизывая себя течением духовного, человек действительно воспринимает элементы, разрывающие его скованность с физическим миром. Разумеется, нельзя отрешиться от того, что обусловлено предшествовавшими воплощениями, кармой. Но если человек указанным способом через познание духовной необходимости, не станет свободным от необходимых условий физического плана, он останется после смерти связанным с этими необходимыми условиями физического плана и будет тянуть их дальше за собой. Необходимости физического плана продолжают тянуться в жизни между смертью и новым рождением. От них не освобождаются. Мы делаемся тогда все свободнее и свободнее от необходимостей физического плана, когда мы связываемся со своим эфирным телом, с необходимостями духовного плана. Дело действительно обстоит так, что когда мы на основании свободного решения можем следовать импульсу, познанному чисто в духовном, мы становимся все свободнее и свободнее от того, что иначе приковывает к физической жизни, приковывает далеко за пределы смерти. Наоборот, во всем том, чего нельзя изменить, к чему мы прикованы в физической жизни, в этом именно эфирное тело, как таковое, делается все свободнее и свободнее.

Итак, мы можем видеть, как совместно действуют свобода и необходимость на физическом плане, но и для эфирного тела одинаково действует свобода и необходимость. Эфирное тело достигает своей свободы через необходимость физического плана; а свою необходимость оно должно усмотреть само. Физическое тело получает свободу именно благодаря тому, что эфирное тело усматривает свою необходимость, а необходимость физического тела устанавливается его кармическим отношением ко всему течению физического плана.

Таково органическое взаимодействие свободно-необходимого физического человека и необходимо-свободного духовно-душевного человека. Свобода и необходимость всегда переходят друг в друга. Но невозможно подчинение чистой необходимости при полном сознании. Если мы вкладываем во что-нибудь сознание, если мы воспринимаем это при полном сознании, то тем самым мы раскрываем нашу душу свободе; тем самым мы выдираем нашу душу из необходимости и становимся свободными в том, что доступно нашему сознанию. Но когда мы духовно признаем необходимость, когда мы именно признаем, что в настоящее время необходимо воспринять течение духоведения: становимся ли мы от этого бессознательными? В известном смысле — да! Ибо мы решаемся лишь настолько раскрыть сознание, чтобы дойти до врат, сквозь которые притекает, сквозь которые светит то, что должно прийти из духовного мира. Тогда мы воспринимаем то, что должно прийти из духовного мира, обращаемся к действующим, господствующим силам, которые склоняются к нам в духовном мире. Поэтому мы и говорим о том, что, вработываясь в духовную необходимость, мы достигаем до существ, склоняющихся к нам. Поэтому мы все снова подчеркиваем: мы стремимся с нашим сознанием навстречу существам, которые пронизывают нас из духовного мира, и мы ожидаем, говоря себе: мы необходимо включаемся в импульсы, идущие из духовного мира ..., мы ожидаем, что в эти наши импульсы вольются вместе с тем импульсы высших духовных существ. И благодаря этому наступает та относительная, та глубокая бессознательность, когда мы действительно так воспринимаем то, что духовно действует в нас, как в обычное время именно бессознательное действие, когда мы по истине уверены: “Дух в нас” и мы можем следовать за ним. Да, мы можем следовать за ним.

Теперь мы возвращаемся к нашей исходной точке. Видите ли, если начать сознательно раздумывать над последствиями таких значительных событий, как современные, — я сравнил их перед тем с римско-германскими войнами, — если раздумывать с помощью обычного сознания, не придешь ни к чему. Но в ту минуту, когда себе скажешь: я хочу достигнуть правды не путем раздумывания, а тем, что вольется духовное, что я отдамся духовному импульсу, — тогда ни к чему будет раздумывать. Тогда знаешь: эти духовные импульсы, если только отдаться им, ведут к правде; они ведут к течениям,

которые переходят за столетия, даже за тысячелетия. Вот что важно. И тогда говорят: нечего теперь думать, что события должны протекать сегодня так, а завтра так, чтобы случилось то-то и то-то: мы живем в настоящее время в той эпохе человечества, когда дальнейшее развитие земного бытия лишь тогда правильно свершится, когда будут непосредственно восприняты духовные импульсы из духовного мира. Следовательно, они должны быть восприняты. И то, что внешне происходит на физическом плане, необходимо должно связаться с этим, правильным образом связаться. Тогда произойдет должное. Тогда знаешь, не раздумывая над тем, что случится завтра или послезавтра, что произойдет то, что души, проходящие сейчас через врата смерти, будут действительны и как души, и посредством своего эфирного тела, поскольку с ними будут связаны мысли тех, кто в будущем будет обитать на утучненных кровью полях земли, — что из этого возникнет нечто, что будет действовать на протяжении веков. Но нужно непосредственно иметь такого рода сознание, какое мы часто выражали в словах:

Из мужества борцов,
Из крови битв,
Из страдания покинутых,
Из жертвенных деяний народа
Созреет духовный плод -
Если души в сознании духа устремят
Свои помыслы в царство духа.

Дело, следовательно, в том, что мы должны понять, что, начиная с известного пункта, души должны в настоящее время сознать дух, если они хотят получить возможность устремляться к духу. Тогда происходящее теперь даст должные семена для будущего. Чтобы проникнуться этой мыслью, нужно крепкое доверие, как имеют его существа, причисляемые к иерархии ангелов. Ибо из такого доверия действуют ангелы. Они знают, что, когда они имеют должные намерения, из них произойдет должное. Не благодаря тому, что они предвосхищают определенный образ будущих событий, но благодаря тому, что они имеют должные намерения. Но воспринять их можно только духовно. Лишь мышление в смысле духоведения может дать нам указания, как можно духовно воспринимать нечто.

Об этом мы поговорим следующий раз.

Пятая Лекция

Берлин, 8 февраля 1916 г.

Мои милые друзья!

Я должен сделать еще некоторые добавления к четырем лекциям о свободе и необходимости, которые образуют более или менее связанное целое. Рассмотрим еще раз одну из наших духоведческих основных истин, истину о составных частях человека, которая стала нам такой привычной: что человек состоит пока из четырех членов — физического тела, эфирного тела, астрального тела и «Я». Держась сперва того, что в физическом мире дано каждому человеку, мы можем сказать, что в обычном бодрственном состоянии нам дано сперва наше физическое тело. Мы знаем наше физическое тело именно по той причине, что мы, разумеется, можем его рассматривать внешне нашими чувствами, что всякий другой, живущий с нами в физическом мире, может его также рассматривать, что он разделит наше суждение, что это физическое тело существует. Это физическое тело может, следовательно, рассматриваться нами в физическом мире извне. Нельзя рассматривать — в чем вы легко сами убедитесь — то, что обычно называется у нас эфирным телом. Оно не поддается уже обычному физическому рассмотрению. Также не поддается ему астральное тело, а тем более — «Я»; ибо то, чем является «Я» — мы это часто высказывали, — не может рассматриваться извне до такой степени, что даже имя для него не может быть дано извне человеку. Если кто-нибудь вас окликнет словом “Я”, вам никогда не придет в голову, что он имеет в виду ваше «Я». Он может иметь в виду только свое собственное «Я». Итак, извне это «Я» вообще не обозначается.

Однако, все же ясно, что человек что-то знает об этом «Я». Изнутри обозначает он его. Так что можно все же сказать, что в то время как эфирное и астральное тела недоступны для физического мира, «Я» для физического плана не недоступно. Говоря о себе в первом лице, мы говорим об этом «Я». Но при этом все же остается то обстоятельство, что так, как видимо физическое тело или другой физический предмет, это «Я» не может быть видимо; оно никоим образом не может быть воспринято чувствами.

Теперь для нас возникает вопрос: что это, в сущности, значит, что мы знаем что-то об этом «Я», что мы вообще приходим к тому, чтобы его обозначить? Видите ли, философы часто говорят: «Я» дано человеку непосредственною уверенностью. Человек непосредственно знает, что «Я» существует. Да, есть философы, грезящие о том, что они лишь при помощи одной своей философии могут знать, что это «Я» есть простая сущность, следовательно, не может раствориться, не может, следовательно, и умереть. Но, мои милые друзья, всякий, кто мыслит здраво, тотчас противопоставит этому философскому мнению высказывание: как бы ты нам ни доказывал, что это «Я» не растворимо, и поэтому не подвержено распаду, достаточно уже того, что это «Я» после смерти на вечные времена было бы в состоянии, в котором оно находится, например, от засыпания до пробуждения. Тогда об этом «Я»,

разумеется, нельзя было бы говорить. Философы заблуждаются, полагая, что в том «Я», о котором они говорят, есть нечто реальное. Говоря о реально существующем, говорят скорее о чем-то совсем другом.

Мои милые друзья! Неправда ли, от засыпания до пробуждения это «Я» не имеется, человек не может говорить себе “Я”. Когда он видит во сне свое «Я», ему даже иногда кажется, что перед ним как бы выступает его собственный образ, то есть он рассматривает себя. Он не так говорит “Я” своему «Я», как в обычной дневной жизни. Когда мы просыпаемся, то наше истинное «Я» действительно как-будто сталкивается с твердостью нашего физического тела. Мы ведь знаем, что пробуждение состоит в том, что мы с нашим «Я», точно так же, как с нашим астральным телом — но сейчас нас интересует прежде всего «Я», — погружаемся в наше физическое тело. Ощущение этого погружения совершенно однородно тому, которое мы испытываем, когда толкнемся рукой о твердый предмет, и это погружение, вызывающее как бы ответный толчок со стороны физического тела, составляет сознание «Я». И в течение всего дня, когда мы бодрствуем, мы имеем поистине не наше «Я», но представление о нашем «Я», возникающее из физического тела, как зеркальное отображение. Так что то, что обычно говорится о «Я» в философии, это зеркальное отображение «Я». Неужто у нас нет ничего, кроме этого зеркального отображения «Я»? Оно ведь прекращается с засыпанием, это ясно. Тогда «Я» более не отображается. Таким образом, после засыпания наше «Я» действительно исчезло бы. Но утром, при пробуждении, оно снова возвращается в физическое тело. Оно, значит, оставалось. Что же такое это «Я»? Что же мы имеем от этого «Я», пока мы работаем лишь на физическом плане?

Более точное исследование показывает нам, что мы в физическом мире сначала не имеем от этого «Я» ничего другого, кроме волевого акта воли. Мы не можем делать ничего другого, как волить себя. То, что мы можем волить, обращает наше внимание на то, что мы имеем «Я». Сон состоит лишь в том, что мы погашаем всякое воление, что по причинам, которые мы часто приводили, мы не можем волить во время сна. Тогда воля затушена, ослаблена. Итак, то, что выражается в слове “Я”, есть волевой акт, действительный волевой акт. А наше представление о “Я” есть зеркальное отображение, возникающее вследствие того, что воля ударяется о тело, совершенно подобно тому, как, смотрясь в зеркало, мы видим наше физическое тело. Точно так же мы видим, что физическое тело отбрасывает отображение нашего собственного «Я», выражающей себя воли, и это дает нам представление о «Я». Таким образом, «Я» живет на физическом плане, как волевой акт.

Таким образом, мы имеем, в сущности, на физическом плане две вещи: мы имеем наше физическое тело, и мы имеем наше «Я». Физическое тело мы имеем благодаря тому, что мы можем через созерцание представлять его себе

вовне в пространстве; «Я» мы имеем благодаря тому, что мы можем волишь. Все остальное, стоящее за физическим телом, остается пока тайной для физического наблюдения. Мы видим физическое тело, как оно возникло, как оно сложилось. Но как оно слагалось путем прохождения человека через эпохи Сатурна, Солнца, Луны и Земли — это остается тайной, если мы рассматриваем только физическое тело. Итак, то, что находится за этим физическим телом, остается для физического рассмотрения физического мира тайной. Как воля с другой стороны погружается в наше физическое тело или в то, чем мы вообще являемся, остается опять-таки тайной. Ибо волю вы можете осознать, не так ли? И потому Шопенгауэр видел в воле единственно действительное, потому что он смутно понимал, что в воле мы, собственно, сознаем самих себя. Но как эта воля погружается, об этом на физическом плане ничего не знают. Со стороны физического плана вы знаете, в сущности, лишь то, что вы в своем «Я» можете охватить волю. «Я» беру эти часы в руки; но как воля переходит через эфирное тело в физическое и становится актом взятия в руки часов, — это остается для самого физического тела тайной. Воля, следовательно, погружается прямо из «Я» в физическое тело. И в «Я» не остается ничего другого, как внутреннее чутье воли, внутреннее переживание воли.

Видите ли, так, как я это теперь описываю, это верно для большинства человечества лишь примерно для последних двух столетий (этого обычно не замечают, но нам это должно, так сказать, перейти в плоть и кровь после всех наших рассмотрений). Ибо, если мы вернемся к середине Средневековья, то будет чистейшей фантазией полагать, что человечество жило тогда так же точно, как теперь. Человечество развивается и положение человека в мире иное в различные эпохи. Возвращаясь назад за XV, XIV вв., мы находим гораздо более чем в настоящее время, людей, которые не только знают о своем физическом теле, но которые действительно знают, что в физическом теле живет нечто, что мы называем теперь “эфирным телом”, которые действительно воспринимают нечто аурическое в физическом теле. Разумеется, это были в Средневековье — я бы сказал — лишь последние осколки, последние клочки древнего восприятия; но все-таки в X в. не так смотрели человеку в глаза, как теперь, рассматривая просто его физический глаз. При этом видели еще нечто аурическое, нечто эфирное: отличали еще до известной степени прямодушные глаза и фальшивые глаза, но не посредством внешнего суждения, а воспринимая непосредственно аурическое в глазах. Так было и в остальном.

Но, воспринимая это аурическое в человеке, воспринимали его еще в несравненно большей степени в животном, также в растении. То, что теперь может быть снова — но лишь искусственно, — вызвано (вы все знаете это описание из моей книги “Как достигнуть...”), а именно, что при созерцании семени видишь его излучение, отличное от излучения другого семени, — это

было для людей минувших веков еще повседневным, обыденным явлением; так что человеку не приходилось исследовать сперва с микроскопом (что теперь в большинстве случаев тоже не удастся), от какого растения данное семя, но это можно было определять по свету, по световой ауре, окружавшей семя. Что касается минерала, вы найдете в старых сочинениях еще описания минералов, где последние определенно различаются по своей ценности в мире: когда древние рассматривали золото, они высказывали свои суждения о нем не из фантазии, а по тому, что золото действительно представлялось им иначе, чем, например, серебро; и когда они приводили в связь золото с солнечным светом, а серебро — с лунным светом, то это основывалось действительно на наблюдении, основывалось на постоянном ощущении человека, говорившего: золото — чистый, лишь уплотненный солнечный свет, серебро — лунный свет, и т.д., так же, как во внешнем мире еще видели элементарное, элементарно-аурическое. Это было утрачено человеком нового времени, потому что он должен проделать развитие к свободе, возможное лишь благодаря тому, что теперь он может созерцать лишь физически-предметное. Но с утратой способности видеть аурическое, люди потеряли еще одну способность. Надо теперь уметь почувствовать, как иначе звучит, когда древние говорят о воле. Они еще гораздо более чувствовали, как воля, живущая теперь только в «Я», погружается в органическое, как она — сказали бы мы теперь — погружается в астральное тело. Они еще чувствовали продолжение «Я» в астральном теле.

Это можно выяснить на определенной области, мои милые друзья. Видите ли, тот факт, что живописцы никак не могут обойтись без модели, основан на том, что совершенно утрачена возможность переживать еще продолжение «Я» в организме, в астральном теле. Почему так восхищаются теперь именно старыми портретами? Потому что старые портреты не писались так, как нынешние, когда имеют перед собой модель и должны тщательно с нее списывать, но тогда еще знали: у человека, определенным образом изображающего мускулы вокруг глаза, то, что живет в «Я», определенным образом переходит в астральное тело, посредством которого он вызывает эту форму мускулов. А в древней Греции мы бы уже совсем впали в ошибку, полагая, что древние греки пользовались моделью для, создаваемых ими чудесных форм. Они не имели никакой модели. Тот, который должен был дать определенную форму руки, знал, как воля вводит «Я» в астральное тело; и из того что он ощущал, он создавал потом формы. Лишь когда иссякло всякое ощущение астрального тела, стало необходимо так строго придерживаться модели, как это обычно для нашего времени.

Итак, существенно то, мои милые друзья, что люди дошли до того — совсем не так давно, — что они, рассматривая мир внешне, не видят всего аурического и, рассматривая его внутренне, совершенно не сознают, что воля струится в астральное тело и пронизывает весь организм. Это свершилось

лишь недавно. По пришествии долгого времени наступит другая эпоха для человечества. Тогда еще более отнимется и от внешнего созерцания на физическом плане, и от внутреннего. Вы ведь знаете, что наша нынешняя пятая послеатлантическая эпоха насчитывает лишь пару столетий, начиная с XIV в., ибо мы считаем 4-ю послеатлантическую эпоху приблизительно с основания Рима до XV в. 5-я послеатлантическая эпоха с XV в. продолжается столько же, так что теперь мы находимся лишь в первой трети 5-й эпохи. Но человечество идет к совершенно иному роду восприятия. Оно идет к гораздо большей пустоте и пустынности во внешнем мире. Видите ли, теперь еще человек так глядит на природу, что он ей верит, что она зеленая, и верит небосводу, что он голубой. Он так глядит на природу, что он естественным образом верит ее цветам. В 6-ю послеатлантическую эпоху он не сможет более верить ее цветам, — не сможет более верить! Ныне одни физики говорят о том, что вне нас существуют лишь колебания, и колебания вызывают в нас красное. То, о чем ныне грезят физики, станет истиной. Люди перестанут правильно отличать более или менее прекраснейшее или более или менее бледное лицо. Они будут знать, что все это вызывается их собственной организацией. Они будут считать за суеверие, что вовне существуют цвета, окрашивающие предметы. Серым станет мир, и человек будет сознавать, что он сам вносит цвета в мир. Так как теперь говорят люди: ах, вы, свихнувшиеся антропософы, вы толкуете о том, что существует эфирное тело; но ведь это же неправда, вы его лишь воображаете, — так в будущем те, которые видят лишь внешнюю действительность, будут говорить другим, видящим еще цвета во всей их свежести: “Ах вы, мечтатели, вы думаете, что в природе существуют цвета? Вы не знаете, что вы сами лишь начаровываете из своего внутреннего эти цвета в природу”. Все более математизирована, все более геометризирована будет внешняя природа. Как мы теперь можем лишь говорить об эфирном теле, и как во внешнем мире не верят, что оно существует, так в будущем не будут верить, что возможность видеть цвета имеет какое-либо объективное значение во внешнем мире, а будут приписывать ей лишь субъективное значение.

Подобное же испытает человечество и с отношением воли в «Я» к внешнему миру. Люди придут к тому, что будут весьма слабо чувствовать импульсы, выражающиеся в воле. Чрезвычайно слабо будут они чувствовать то, что лежит в том первоначальном личном опыте, когда человек волит что-нибудь из своего «Я». То, что волится из «Я», будет очень слабо действовать на людей. Если все пойдет так, как это может быть описано, согласно природному пути, людям вообще понадобится для какого-либо действия либо долгая привычка, либо внешнее принуждение. Люди не будут вставать свободно, но должны будут еще учиться вставать, должна будет образоваться привычка. Одно решение вставать не будет производить никакого впечатления. Теперь это болезненное состояние; но простое природное

развитие стремится к тому, чтобы это наступило. То, что мы называем внутренними идеалами, будет встречать все менее и менее веры. То же, что предписывается внешне, к чему люди внешне побуждаются, это станет необходимо, чтобы воля могла развиваться, чтобы импульсы воли могли быть деятельны.

Таков был бы естественный, развивающийся ход событий. И тот, кто знает, мои милые друзья, что позднейшее подготавливается более ранним, тот знает, разумеется, что шестая эпоха подготавливается в пятой. И, в конце концов, не надо даже иметь вполне открытых глаз, а достаточно полураскрытых, чтобы увидеть, как большая часть человечества устремляется к тем тенденциям, которые я только что привел; как все более и более работа ведется к тому, чтобы все вдолбить или все предписать и как это считается за правильное. Я сказал уже, мои милые друзья, что мы находимся теперь в первой трети пятой послеатлантической эпохи, то есть той эпохи, которая все еще верит — хотя у физиков уже идеал шестой эпохи, — что цвета вовне действительно существуют, что, например, краснота или бедность лица имеют какое-то отношение к человеку; мы еще верим этому. И даже если мы дадим физикам или физиологам уговорить нас, что мы лишь грезим о цветах — в действительности мы этому не верим, а верим, что цвета окрашивают природу вовне, когда мы живем согласно природе на физическом плане.

Мы живем в первой трети. Разумеется, эта пятая послеатлантическая эпоха будет иметь три трети, в течение которых послеатлантическое человечество должно будет пройти через многое. Прежде всего должно вполне войти в сознание людей то, о чем я сейчас говорил: человечество должно действительно постигнуть, что оно, имея перед собой физическое тело, не замечает того, что находится за этим физическим телом, что оно вообще не замечает, что находится за физическим. Во второй трети пятой послеатлантической эпохи — если духоведению посчастливится — окажется все больше и больше людей, которые будут это знать, которые будут знать, что с тем, что мы видим глазами, связано нечто другое, связано эфирно-духовное.

То есть в человеке забрезжит сознание, что имевшееся прежде ясновидение, утраченное вследствие нынешнего отношения человека к миру, все-таки существует и что оно будет снова обретено, хотя и в другой форме. Так видеть ауру, как прежде, мы более не можем, но если люди будут делать те упражнения, которые приведены в книге “Как достигнуть...”, они научатся познавать, но теперь уже другим путем, что аурическое окружает человека, что аурическое окружает и пронизывает также и все другие вещи в мире. Этого сознания люди снова достигнут.

И далее люди осознают, что можно снова захватить внутренние импульсы. Но придется их захватить сильнее, чем теперь. Ибо естественная тенденция ведет к постепенной потере силы воли. Поэтому эта воля должна быть захвачена сильнее. Эта воля будет создана тем, что люди познакомятся

прежде всего с более сильным мышлением, необходимого для постижения истин духоведения. Те, которые охватят истины духоведения, тем самым волеют больше сил в свою волю и вместо слабеющей постепенно воли получают действенную, свободно воздействующую из «Я». В дальнейшем развитии человечества тому, что будет получаться естественным образом, будет противодействовать то, что будет добыто путем усилий: с одной стороны, пробуя делать духовные упражнения духоведения, чтобы быть в состоянии вновь воспринимать аурическое, с другой стороны, пробуя укрепить себя импульсами, даваемыми духоведением для того, чтобы воля снова стала сильнее, стала снова действенна. Ибо, видите ли, дело, в сущности, в следующем: то, что должно быть создано духоведением во вторую треть послеатлантической эпохи, безусловно, не существует теперь. Каково отношение к внешнему миру современных людей? И каково в особенности отношение к нему ученых? Очень поучительно рассмотреть однажды, каково отношение современной науки, в особенности же современных ученых (разумеется, эта современная наука берется только по той причине, что в ней проявляется естественное отношение людей к окружающему). Видите ли, современная наука, а также и обыкновенный человек, когда они рассматривают внешнюю физическую природу, будь это минеральное, растительное, животное или человеческое царства, не имеют силы действительно проникнуть в то, что они рассматривают. Физик ставит опыт, он описывает его. Но он не позволяет себе проникнуть в то, что он описывает. Он не осмысливается глубже проникнуть в явления, обнаруживаемые опытом. Он остается на поверхности. В отношении внешнего мира он совершенно в том же положении, как вы при сновидении. Сновидение возникает потому, что ваше эфирное тело отражает вам переживания астрального тела. Тот, кто ныне рассматривает внешне природу или ставит опыт, рассматривает также лишь то, что она ему отражает, что она ему дает. Он грезит лишь о природе. Он проснулся бы в тот момент, когда он так подошел бы к природе, как духоведение. Этого он не хочет. Теперь, в первой трети пятой послеатлантической эпохи, люди лишь грезят о природе: они должны пробудиться. Лишь порой просыпается ныне кто-нибудь и тогда говорит себе: то, что находится вовне, ведь не простое сновидение, но в этом сновидении живет что-то. Философия Шопенгауэра была таким частичным пробуждением, с которым он сам не знал, что делать.

Это вызвало нападки со стороны тех, кто глубокомысленно философствовали совершенно в современном духе, как отличный философ Больцано в Богемии в первой половине XIX века. На прочитанном им экземпляре Шопенгауэра видна пометка на полях: «чистейшее безумие!» Конечно, это должно было представляться ему как чистейшее безумие, потому что Шопенгауэр утверждает как бы из бреда: в природе живет нечто иное, как воля. И там, где современное естествознание остается вполне верно

самому себе, где оно до известной степени строит свои выводы, куда же придет оно? Оно и придет только к тому, чтобы грезить о физическом теле. Оно и не подозревает, что в этом физическом теле заключено еще что-то; иначе оно должно было бы говорить об эфирном теле, об астральном теле и «Я». Но оно не хочет охватить реального; оно охватывает только то, что является перед ним. Нынешний физик или физиолог представляется поистине грезящим лунатиком, который при окрике — а в данном случае окрик происходит тогда, когда ему говорят о духоведении — падает; он падает, как ему кажется, в ничто. Он не может иначе, он должен пока держаться снова. И когда ему кажется, что он в самом бодрствующем состоянии относительно внешней природы, тогда он более всего грезит. Что же из этого произойдет? Из этого произойдет то, что ученый постепенно потеряет всякую возможность найти во внешнем мире нечто другое, чем то, что он может представить себе о нем. Он вообще потеряет возможность что-либо представлять себе о том, что лежит за представляемым им себе миром. Что же вообще остается ему, когда он передает человеческое тело естествоиспытателю? Перед ним стоит человек. Он видит его очень точно или он узнает от естествоиспытателей или в клиниках, какие происходят изменения, когда то или иное не идет нормально в жизни. Это физическое тело он расчленяет очень точно. Но на этом он останавливается. Ему и в голову не приходит, что за этим что-то есть. Но в этом физическом теле нет ничего от «Я», от воли. Что же должен был бы делать этот естествоиспытатель? Он должен был бы совершенно отрицать волю и «Я», он должен был бы сказать: нет воли, ее нет налицо в человеке; ибо этой воли нельзя найти. Она скрывается в организации. Она, как мы уже сказали, охватывается, чувствуется, переживается только в «Я». Итак, прежде всего, следовало бы показать волю. Это значит, что мы должны были бы услышать, как естествоиспытатель, лишь грезящий ныне, сказал бы своим слушателям, если бы был вполне откровенен: говоря о человеке, мы должны, в сущности, говорить о воле. Это для нас, естественников, бессмыслица. Воля — ничто. Она лишь пустая гипотеза. Она не существует. Так должен бы он говорить. Это было бы вполне последовательно. Такой естествоиспытатель видел бы сны о внешних явлениях, волю он бы отрицал.

То, что я вам рассказываю, не мной лишь приводится теперь, этого требует мышление современного естественноисторического мирозерцания. Вы видите, что естествоиспытатель, если он сделает крайние выводы из своего образа мыслей, приходит к тому, о чем я вам рассказываю, — это не сочинено мной. И я тут принес с собой: “Руководство по физиологической психологии в 15 лекциях” очень известного профессора д-ра Ziehen из Йены. “Физиологическая психология”, то есть он пытается изобразить то, что душевно-телесно проявляется в человеке. В отдельных лекциях (ведь их 15) он говорит обо всем — об ощущении, о раздражении, о вкусовых, зрительных, слуховых ощущениях и т.д., я не буду обременять вас всем этим, я хочу

поговорить лишь о нескольких выдержках из 15-й лекции о “воле”. Там мы находим следующие фразы: “Мы вывели из бесчисленных материальных раздражений внешнего мира возбуждения коры” (то есть вывели возбуждения в мозговой коре), “которые в области физического отвечали ощущениям. Мы проследили затем возбуждение в мозговой коре по ассоциирующим волокнам вплоть до моторной зоны: отсюда материальное возбуждение проводится опять на периферию к мускулатуре и вызывает мускульные сокращения. Физически процессу в коре соответствует игра ассоциаций идей, а вытекающее отсюда движение мы обозначаем психологически как поступок. Мы смогли совершенно удовлетворительным образом вывести поступок из ощущения и из памятных образов прежних ощущений — представлений, по законам ассоциации идей и тем проследили физический процесс до его заключительного звена. Но здесь (говорит Ziehen далее) мы сталкиваемся с гипотезой, которую психология признавала прежде почти единодушно и к которой во все времена обыкновенный человеческий рассудок приходил, по-видимому, бессознательно: я имею в виду допущение особой воли, как причины наших поступков. Итак, мы сталкиваемся с гипотезой, говорит он, с допущением особой воли, как причины наших поступков. И он показывает, что не имеет никакого смысла говорить о такой воле, что физиолог не находит ничего, что в какой-либо мере соответствовало бы этому слову “Воля”. И особым толкованием, которое он дает проявлениям сил, которые можно было бы обозначить, как вырождение воли, он показывает, что и тут дело не в воле, а в чем-то совсем другом, так что о воле совсем нельзя говорить.

Вы видите, что это вполне последовательно. Если оставаться при сновидениях о внешнем физическом мире, нельзя прийти к воле. Ее нигде не найти. С подобным мировоззрением можно только отрицать волю, говоря: никакой воли нет. Современные, так называемые, монисты это и делают в достаточной мере. Они отрицают волю. Они говорят: воля как таковая вообще не существует, это только мифологическое порождение. Ziehen выражается несколько осторожнее; но вы видите все-таки, что он приходит к замечательным результатам, к результатам, которые он только остерегается довести вполне последовательно до конца. Я прочту вам из его последней лекции еще несколько фраз, из которых вы увидите, что он последствия то выводит, но все еще несколько кокетничает с этим отсутствием воли. Ибо он говорит: “Как обстоит дело с понятием ответственности?” — Воли, следовательно, он не находит. Итак, он говорит по поводу понятия ответственности:

“Оно действительно противоречит данным физиологической психологии.

Последняя учит, что наши поступки строго обусловлены (то есть абсолютно необходимы в физиологическом смысле), они — необходимый результат ощущений и памятных образов. Поэтому человеку так же мало можно вменить в вину плохой поступок, как цветку — его уродство. Поступок остается — и

психологически — плохим, но он не является виной. Понятие вины и ответственности, обозначая кратко противоположность, есть религиозное или социальное понятие. Поэтому мы можем не считаться с ним здесь. Повторяю, психология не отрицает эстетических и этических абсолютных законов, поскольку они бывают ей доказаны с другой стороны, сама же она в своем эмпирическом ограничении может находить лишь эмпирические законы”.

Оно и естественно: если только грезят о внешней природе, тогда перед нами выступает, с одной стороны, человек, рассыпающий благодеяния, с другой стороны — другой, раздающий ни за что, ни про что колотушки людям; и как один цветок прекрасен по закону природы, а другой некрасив, так один человек хороший, как принято говорить; но ведь хорошее не должно означать другого, чем красота у цветка, а плохое равносильно некрасивому в цветке. Итак, с полной последовательностью: “человеку так же мало можно вменить в вину плохой поступок, как цветку его уродство. Поступок остается — и психологически — плохим, но он не является виной. Понятие вины и ответственности есть религиозное или социальное понятие”. Следовательно, ни в коем случае не познающее понятие, а религиозное или социальное. “Поэтому мы можем не считаться с ним здесь. Повторяю, психология не отрицает эстетических и этических абсолютных законов, поскольку они бывают ей доказаны с другой стороны, сама же она в своем эмпирическом ограничении может находить лишь эмпирические законы”.

Он еще выражается осторожно, не строя сразу мирозерцания. Но как только строят мирозерцание, так отпадает всякая возможность привлечь человека к ответственности за его поступки, если стоят на той почве, на которой стоит автор этой книги. И это происходит оттого, что эти люди лишь грезят о внешнем мире. Они проснулись бы в ту минуту, когда они признали бы, что говорит духоведение о внешнем мире. Но подумайте только: у этих людей есть наука, которая сама ведет их к признанию: мы ничего не знаем о том, что от внешнего тела ведет к «Я» человека. Но в «Я» должны жить: во-первых, эстетические, во-вторых, этические законы, а если приглядеться точнее, — даже логические законы. Все это должно жить в «Я». В нем вообще должно жить то, что ведет к воле. В этой науке нет ничего, что как-либо могло бы жить в воле как реальный импульс. Следовательно, необходимо что-то другое. Подумайте, если бы одна эта наука существовала ныне на свете, то говорили бы: я встречаю некрасивый цветок и прекрасный цветок — это установлено природой; я встречаю человека-убийцу и человека-благодетеля, — и это установлено природой. Все, само собой разумеется, должно было бы отпасть, что обращается к воле. Почему же оно не отпадает? Если не глядеть больше на «Я», мои милые друзья, если не считаться с ним в пределах того, что может обнять рассмотрение мира, тогда надо прийти к этому другим образом. Желая еще оставить в силе, как это делает Ziehen, “социальные или религиозные законы”, надо каким-то другим образом ввести их в человека; то

есть, грезя о внешнем мире, о том, что можно созерцать, надо как-нибудь возбудить волеие. А для этого годится лишь противоположность сонной грезы: опьянение. Это значит, что то, что живет в воле, должно так вжиться в волю, чтобы не быть осознанно человеком, чтобы не быть в полной мере признано за волевой импульс; то есть в подобную эпоху должно представляться желательным, чтобы человек не пытался ясно увидеть то, что он воспринимает как свои волевые импульсы, но они должны в нем действовать — можно употребить этот образ — как действует вино, когда человек пьян; как пьяный не имеет полного сознания, так не должно дойти до полного сознания то, что действует как импульс. Это значит: мы живем в эпоху, в которой приходится отклонить исследование волевых импульсов до их последних глубин. Религиозные исповедания дают импульсы, но они не должны быть расследованы. Они ведь не желают, чтобы понятия, воздействующие на волю, в какой-либо мере подвергались объективному рассмотрению. Все это должно проникнуть в человека в опьянении.

И мы можем это опять фактически доказать в наше время: попробуйте лишь прислушаться — но беспристрастно — к тому, как нынче говорят о религиозных импульсах. Лучше всего чувствуют себя люди, когда им отнюдь не говорится, почему внушается то или иное, но когда с ними говорят так, что они воспаляются, когда им преподносят понятия, которые не вполне доходят до их сознания, но туманно их окутывают. И за лучшего оратора в этом направлении считают того, кто разжигает огонь, огонь, огонь в душах, кто меньше всего заботится о том, чтобы все в отдельности было действительно проникнуто сознанием. Поэтому мечтатели приходят и говорят: “мы исследуем Евангелия; мы не находим в них, что в Иисусе из Назарета — если уж мы допускаем его существование — жило какое-либо внеземное существо”. Стоит только вспомнить, сколько таких мечтателей попросту отрицают бытие Христа, именно потому, что оно не может быть доказано на физическом плане. На другой стороне стоят такие теологи, которые тоже не могут его доказать и которые поэтому по возможности так говорят о Христе, что они приводят возможно более неясные понятия, обращаясь к чувству, к влечениям, к инстинктам. Совсем недавно это необычайным образом проявилось во внешней жизни. Видите ли, с одной стороны, мечтатели — это началось с Эдуарда фон Гартмана в области философии, а Древис обратил это в настоящую агитацию — дошли до того, чтобы отрицать все новозаветное учение, доказывая, что мистерия Голгофы не есть историческое событие. Ее и нельзя доказать в области внешней истории, для этого надо подняться в духовное. Мечтателям противостояли другие, спорившие с ними. Прочтите всю литературу, и вы увидите, что нигде нет ничего обдуманного, научного, но всюду слова, которые можно назвать пьянящими и опьяненными словами, нигде нет основательности, всюду обращаются к тому, что должно возбудить немотивированные инстинкты. Так

обстоит дело с нашей душевной жизнью, с одной стороны, мы имеем грезу, которая должна проявиться как мировоззрение на естественнонаучной основе, с другой стороны, — опьянение, которое проистекает из того, что дается религиозным исповеданием. Греза и опьянение более всего властвуют ныне над человеком. И подобно тому, как сон изгоняется лишь тем, что человека будят, так опьянение может быть изгнано лишь тем, что в полной ясности будут рассматривать свои внутренние импульсы, то есть тем, что люди придут к духоведению, которое не может опьянять, но действительно пронизывает душу духовными импульсами. Современные люди еще неохотно идут на это. Я сказал уже, что если современный непоколебимый монист типа Геккеля, желающий основать монизм лишь на естествознании, услышит окрик духоведения, он свалится — говоря образно, — он естественным образом должен свалиться; то есть он почувствует себя тотчас в пустоте, его сознание прекращается, совершенно прекращается. Возьмите обыкновенного человека, который строит свое миросозерцание лишь на естествознании, и попробуйте говорить с ним о выводах духоведения, — для него это будет ничто; он ничего при этом не поймет. И если он честен, то он скажет: у меня точно мельничное колесо вертится в голове. — Это значит, что он не держится на ногах.

Если подойти к опьянению, то, разумеется, для того, кто даст себя правильно отрезвить, начнется истинная, очищенная, внутренняя религиозная жизнь, и он углубит свое исповедание конкретными понятиями благодаря тому, что он узнает импульсы, идущие от духоведения. Если же вы предложите духоведческий идеал, духовную науку тому, кто ее не хочет, кто не хочет пронизать свою душу этим идеалом, и он все-таки пойдет на это, хотя и находится совершенно под влиянием современной теологии, то он отрезвится странным образом, так, как отрезвляются те, кто были пьяны, но не освободились еще совершенно от органических воздействий. У него наступит похмелье. И это можно уже действительно наблюдать. Если вы последите за тем, что говорят теологи в настоящее время, когда духоведение становится более известно, но еще не переваривается (в особенности это можно наблюдать в окрестностях Дорнаха, где теологи имеют более дела с духоведением), то вы найдете, что все это у них только род похмелья, вызванного тем, что они должны получить понятия, идеи, содержание вместо того опьянения, которое они без всяких оснований - я сказал бы — желают вносить в духовное членение человеческой души. Их отпугивает отрезвление, которого они не выносят, потому что знают: ясности им все равно не добиться, а получится только — простите за тривиальное выражение — муха в голове.

Эти вещи мы должны безусловно рассмотреть в их — я сказал бы — исторической необходимости. И если, мои милые друзья, духоведение передаст людям хотя бы начальные основы того, как снова на новом пути увидеть то, что было утрачено, как снова внести импульсы в волю, тогда свобода даст человечеству то, чего природа ему никогда бы не дала. И при

этом вы видите, что это — я сказал бы — с известной необходимостью образует нашу программу. В моей лекции в минувшую пятницу я обращал внимание с одной стороны на развитие мышления, с другой — на развитие воли, как мышление доходит до того, что в нем открывают волю, как через мышление выходят из самих себя и находят на другой стороне другого зрителя. Тогда, с другой стороны, доведя мышление так далеко, что оно может выйти из себя, дают человеку возможность не падать, когда его окликают и будят. Он потому падает, что он не может постигнуть происходящего вовне, он не имеет опоры, за что держаться, если он только грезит и внезапно бывает разбужен. Держаться надо за то, к чему приходят через развитие мышления, которое выводит из внутренне неорганического, беспорядочного состояния. Это происходит благодаря тому, что внутренний зритель, о котором я говорил, может в полной чистоте выявиться из человеческого внутреннего. Таким образом, то, что прежде всего должно быть сообщено человечеству, тесно связано с внутренними законами человеческого развития, с этими действительно внутренними законами человеческого развития.

Мои милые друзья, лишь принимая то, что было сказано сегодня и говорилось здесь уже неоднократно, и сохраняя в памяти вытекающие отсюда следствия, вы избежите известных ошибок, в которые иначе вы бы все снова и снова впадали. Будет, разумеется, чрезвычайно трудно избежать известных ошибок. Сегодня я обращаю внимание лишь на одну из них. Все опять и опять встречаются между нами отдельные люди, которые говорят: ну да, вот, например, последователи того или иного исповедания, скажем, более или менее католическое население с католическим священником. И наши друзья часто думают, что если им удастся объяснить этому священнику, что мы правильно говорим о мистерии Голгофы, что мы не отрицаем Христа, тогда дружба со священником будет обеспечена. Но этот ход мыслей совершенно ложный. Совершенно невозможно покорить этих людей, показав им, что мы отрицаем того, за что они обязаны стоять. Совершенно невозможно. Дело обошлось бы с ними даже легче, если бы можно было сказать, что мы отрицаем Христа. Тогда они бы сказали: итак, это отрицатели Христа; они не принадлежат к нам; мы остаемся при нашей общине, которая через нас получает Христа путем опьянения. — Они этого не высказывают, но они это делают. Но когда рядом с ними выступают люди, которые утверждают Христа, которые даже якобы знают нечто положительное о Христе, тогда они, значит, идут своими путями, тогда они приходят к утверждению Христа на другом пути; и священники становятся для них гораздо более сильными врагами, чем если бы они отрицали Христа. Ибо они рассматривают представительство Христа как свою привилегию; и в этом и есть ошибка, что другие иным образом представляют Христа. — Итак, вы возбудите известных теологов против нашего духоведения именно тем, что вы скажете: да, мы стоим за Христа. Вы разозлили бы их много менее, если бы могли сказать (чего вы,

разумеется, не можете): мы отрицаем Христа. — Это именно и раздражает их, что указывается на Христа в другом соотношении. От чистого сердца ведь наши друзья легко могут сказать: “Да что же им нужно? Ведь мы же вполне стоим на почве христианства!” И это самое худшее, что они могут сказать этим людям, потому что это им менее всего по нутру.

Таким образом, мы опять, мои милые друзья, круто подошли к тому, в чем совсем особым образом проявляется свобода и необходимость. Суть в том, что я все снова и снова хочу выяснить, что эти понятия нельзя брать легко. Свобода и необходимость относятся к самым существенным человеческим понятиям. И надо постоянно помнить, что многое и многое требуется для того, чтобы прийти к приблизительно правильному пониманию понятий свобода — необходимость. Подумайте только: с одной стороны, надо сказать: куда бы это привело, если бы современное человечество следовало лишь чисто природной необходимости? Это привело бы к тому, что все больше и больше грезили бы, так что под конец люди имели бы лишь это постылое серое в сером, все меньше и меньше люди могли бы воливать, дошли бы воистину до паралича воли. Такова необходимость. Разумеется, свободой духоведения следует бороться с этим; ибо мы стали теперь на пороге той эпохи, когда люди из внутренней необходимости, из познанной необходимости должны будут завоевать себе то, что им следует завоевать для своей свободы. Разумеется, все мы можем сказать: нам дела нет до того, что должно наступить... Тогда именно и произойдет то, что только что было описано. Необходимо, чтобы произошло другое, но эта необходимость может быть воспринята лишь через познание. Это свободная необходимость, можно бы сказать, настоящая свободная необходимость.

Снова здесь тесно сталкиваются понятия свободы и необходимости. Порой может казаться, что я лишь играл словами: сонная греза и опьянение. Но это не так. Можно бы в отдельности доказать — и я мог бы привести вам многое, многое, — как нынче люди действительно точно во сне говорят о внешней действительности и особенно о действительности вообще, не только о внешней действительности. Например, часто делается возражение, определенное возражение против того, что предлагается в нашей области антропософии, духоведения. Любимый довод такой: как же это можно доказать? Это значит, люди требуют, чтобы то, что предлагается, было доказано из внешней действительности путем сравнения. Они предпосылают при этом, что понятие годно лишь тогда, когда приводится для него внешняя действительность, и что доказательство состояло бы в ссылке на внешнюю действительность. Эта мысль кажется такой бесконечно убедительной, что всякий будет считать себя за большого логика, если скажет: ну да, разумеется, все дело в том, чтобы доказать, что понятие во внешней действительности примыкает к внешней реальности. — Очень легко обратить внимание на то, что это не истинная логика, а подлинно грезящая логика. Я

отвечаю обычно в подобных случаях, что и во внешнем чувственном мире нельзя доказать реальности; ибо если бы кто-нибудь никогда в жизни не видел кита, то одной логикой никогда нельзя доказать существования кита, не так ли? Вскрытие реальности есть нечто совсем другое, чем то, что можно доказать. Это годилось бы лишь для грезящей логики. Я могу выразить это еще яснее. Допустить, что я пишу портрет с живого человека. И некто произносит суждение: этот портрет очень похож. Если он захочет объяснить — почему? — он скажет: я говорю, что портрет похож по той причине, что, сравнивая его с оригиналом, один подобен другому, совпадение с реальностью создает сходство. Почему он находит, что портрет похож? Потому что он совпадает с внешней реальностью. Внешняя реальность есть истинное. — Теперь представим себе: изображенный человек умирает и мы смотрим на портрет 30 лет спустя. Перестанет он быть похож оттого, что он не совпадает более с внешней действительностью? Человека больше нет. Его давно, допустим, сожгли. Важно ли для сходства, чтобы существовала внешняя действительность? При ясном мышлении — нет. Для сновидческого мышления можно сказать, что дело в том, чтобы доказать что-нибудь путем внешней реальности. Это верно только для мышления, для грезящей логики. Ибо, в самом деле, тем самым, что человек переходит из бытия в небытие, сделанный с него портрет не переходит от сходства к несходству.

Вы видите, что многое может обратиться в необходимость, если желают поставить логику хорошенько на место, особенно когда теперь повсюду находишь в логических сочинениях (ибо в логических сочинениях вы это везде найдете нынче): истинность понятия состоит в том или доказывается тем, что вскрывается внешняя реальность в физическом мире. Но такое определение истинности само по себе бессмыслица. И бессмыслица обнаруживается уже хотя бы из сравнения с портретом. Откроем так называемые научные сочинения, — не такие, которые занимаются чистой наукой, те ведь только описывают, а при чистом описании — что за беда не выходить за пределы снов? Тот, кто описывает лишь внешний жизненный сон и не имеет притязания строить мирозерцание, пусть так и продолжает. Но тот, кто строит на этом мирозерцание, получает грезящее мирозерцание. И это вы можете видеть, что там, где нынче строят переход к мирозерцанию, вы найдете большую часть грезящую философию. И курьезно, мои милые друзья, до чего люди не могут думать, то есть не могут думать так, чтобы находиться со своим мышлением в том, в чем они должны находиться. Так, например, я списал со страницы 208 этих лекций проф. Ziehen одну фразу, в которой он хочет особенно подчеркнуть, что нельзя прийти к воле, как к основе поступка. Он говорит так: “Мышление состоит из ряда представлений и психическое (то есть душевное), в поступке тоже ряд представлений, имеющий только ту особенность, что его крайним звеном является двигательное представление”.

Итак, вот передо мной часы. Воля выключена. Я вижу часы. Это — представление. Воли не существует; я вижу часы. Эти часы как-то действуют на меня тем, что они приводят в какое-то движение мозговую кору и это движение переходит с мозговой коры в какую-нибудь моторную зону, как учит физиология. Итак, то переходит в это. Это двигательное представление. Я имею сперва представление о часах, и к действию двигательного представления примыкает, не благодаря воле, а благодаря лишь двигательному представлению, представлению движения. Есть только ряд представлений, говорит он, мышление состоит из ряда представлений и психическое в поступке есть тоже лишь ряд представлений. Воля бесспорно выключается. Ее и нет тут совсем; а я сперва наблюдаю часы, а затем наблюдаю движение моей руки. Этим все исчерпывается. Мои милые друзья, вы выясните для себя заключенную здесь логику, заменив эту фразу другой. Вы можете сказать следующее: мышление состоит из ряда представлений. И психическое при рассматривании машины есть тоже представление, имеющее лишь ту особенность, что его последним звеном является представление машины в движении. — Вы имеете буквально то же самое. Вы лишь выключили двигательную силу машины. Вы лишь связали представление о машине в движении с тем, что вы думали раньше.

Такова эта логика, грезящая логика. Конечно, для внешнего мира человек с такой логикой еще допускает существование каких-нибудь импульсов. В своем внутреннем он их более не допускает, потому что он хочет выключить волю. И вся книга пронизана подобной грезящей логикой, тем, что можно характеризовать как выключение воли. Но тогда исключается ведь и «Я». И это интересно. «Я» ведь тоже ничто другое, как ряд представлений. Специально еще разъясняется, что «Я» лишь ряд представлений. Интересно следующее. Простите, что я вам рассказываю об интимнейших подробностях подготовки к такой лекции, как сегодняшняя. То, что я говорю в ней, я хотел дать не в общих чертах, а указать на определенный случай. Для этого надо было снова проштудировать эту книгу. Но я ведь не мог прочесть вам всю книгу, но должен был ограничиться отдельными выдержками. Моя цель была показать, что современное грезящее научное мировоззрение не может иметь воли, что воли в нем действительно нет. Особенно я хотел обратить ваше внимание на то, что автор говорит о воле, то есть против воли. Итак, я смотрю под словом: «воля». Ага, стр. 205 и следующие. Открываешь на этом месте и смотришь, что он говорит о воле. Но я сегодня также рассказал вам, что для физического мира воля воспринимается лишь в «Я», так что, говоря об истинном «Я», мы должны, в сущности, говорить о волящем «Я». Мне следовало, значит, еще показать, как человек с таким грезяще-научным мировоззрением говорит о «Я». Я снова открываю указатель, ищу на букву «Я» — «Я» вообще не встречается. Это, конечно, вполне последовательно. Мы имеем таким образом книгу о психической физиологии, следовательно, книгу

о познании души, в которой «Я» не встречается. Оно специально не упомянуто в указателе; просматривая книгу, вы увидите, что хотя представление о «Я» встречается, разумеется, в виде представления — представления, то он допускает, они для него синонимы механических процессов в мозгу, — но «Я» как таковое не встречается, оно выключено.

Итак, в идеале «Я» уже выключается. И если люди пойдут по пути природы, «Я» будет действительно выключено в шестой послеатлантической эпохе: ибо, если будут отсутствовать волевые импульсы, идущие от центра собственного существа, о «Я» не будут много говорить. В 5-ю эпоху люди должны были подняться до «Я»; но они могут снова утратить это «Я», если они не будут действительно искать его внутренним усилием. И сколько, увы! встречается уже теперь людей, которые говорят о том, что они ощущают ослабление своего «Я», — об этом может рассказать тот, кто вообще немного знаком с этими вещами. Сколько людей уже теперь не знают хорошенько, что с собой делать, потому что они конкретным образом не умеют наполнить строй своей души духовным содержанием. Тут мы стоим перед несказанной внутренней душевной мукой, которой в настоящее время много больше, чем обычно думают. Ибо все растет и растет число тех людей, которые — я сказал бы — беспомощно противостоят миру по той причине, что они не находят в себе импульсов, чтобы пронести это «Я» сквозь мир явлений.

Это связано опять-таки с тем, как я уже не раз излагал, что до сих пор было необходимо, чтобы люди еще только пришли к своему представлению «Я», и мы живем теперь в то время, когда люди только приходят к истинному представлению о «Я». Вы знаете, что латынь, как язык 4-й эпохи, лишь в виде исключения употребляет слово «его». Тогда еще о «Я» не говорили, но оно было скрыто в глаголе. Чем более мировое развитие — также и в языках — приближалось к 5-й послеатлантической эпохе, тем более обособлялось «Я». Посредством импульса Христа это «Я» должно быть соответствующим образом найдено. В средней Европе это «Я» чище всего соединяется с импульсом Христа, что выражается и в языке: в немецком “Ich” («Я») — путем внутренней духовной необходимости прогрессирующего развития — выражены инициалы Христа: I-C-H, Iesus Christus. — Это может показаться грезой тому, кто остается на почве сновидческой науки; но для того, кто очнулся от нее, это великая, значительная истина. “Ich” — «Я» — выражает связь человека с Христом. Но это «Я» люди должны сохранить себе тем, что они его наполняют содержанием духоведения. — А наполнить его, они могут лишь претворяя свободу в необходимость посредством духоведения. Действительно, разве можно было бы в прежнее время сказать, что воспоминание о прежних земных жизнях является нормальным для человека? Для последующих земных жизней это станет нормальным. Подобно тому, как в 5-ю послеатлантическую эпоху люди должны овладеть своим «Я», сделать его живым, так станет нормальным, что люди в будущем все больше и больше

придут к воспоминаниям о своих прежних земных жизнях. Люди же, избегающие духоведения, будут так жить с этими воспоминаниями, что они не смогут внести их в свою душу; внутри им чего-то не будет хватать. Это значит, что люди распадутся на два класса. Одни будут знать, что, выявляя самое сокровенное моей души, я прихожу назад к прежним земным жизням. Другие будут чувствовать внутреннее влечение, выражающееся в смутной тоске — и что-то не будет выходить, в течение всего воплощения что-то не будет выходить, останется как понятие, которое ищут и не находят. Причиной будет недостаточная подготовка к воспоминаниям о прошлых земных жизнях.

Говоря об этих вещах, мы говорим о реальном, безусловно о реальном. Необходимо сперва охватить «Я» через духоведение, чтобы затем помнить о нем в последующих земных жизнях. Разве могут люди помнить о том, чего они себе никогда не представляли? И что удивительного, что люди теперь еще не могут вспомнить о «Я», не имея представлений о нем в прежние времена. Все понятно для истинной логики. Но, разумеется, грезящая логика современного так называемого монизма будет всегда восставать против того, что должно исходить из истинной логики духоведения.